

Счастливый случай (Рипол)

Светлана Храмова

Мой неправильный ты

«РИПОЛ Классик»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Храмова С. В.

Мой неправильный ты / С. В. Храмова — «РИПОЛ
Классик», 2015 — (Счастливый случай (Рипол))

В основе романа – история сложной, но счастливой любви Риты и Алексея. Эта любовь возникла вопреки всем правилам: Рита – практикующий успешный психолог, она помогает женщинам справиться со сложными жизненными ситуациями, но сама едва ли справляется с собственными проблемами. Ей уже за тридцать, она не замужем и бездетна, и уже не верит, что когда-нибудь сможет быть счастлива с мужчиной, считая себя феминисткой. Но встреча с бизнесменом Алексеем, трагически потерявшим дочь, переворачивает всю ее жизнь...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Храмова С. В., 2015
© РИПОЛ Классик, 2015

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Светлана Храмова

Мой неправильный ты

© Храмова С., текст, 2015

© Федотко В., фото на обложке, 2015

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

* * *

Женщина – это не бесполезное повторение мужчины, а зачарованное место, где осуществляется живая связь человека и природы.

Исчезни она, и мужчины останутся одни, как чужестранцы без паспорта в ледяном мире.

Она – сама земля, вознесенная к вершинам жизни, земля, ставшая осязаемой и радостной; а без нее земля для человека нема и мертва.
Мишель Карруж

I

Воспоминания обрывочные, но даже из трехлетнего возраста кое-что помню. Мы с подружкой Майей влюбились в грузинского мальчика по имени Тимур и занимались на балконе у меня дома чем-то непозволительным, мне пять лет, Майе потом запретили приходить ко мне домой.

Мне три года, мы на мотоцикле с братом моего отца, скорость и ветер, платье развевается, тень на дорогу отбрасывается желтая, в черный горошек. Хорошо помню, что тень – желтая в крупный черный горошек.

Мне четыре с половиной, я в детском саду, роль Снегурочки, в девчачью раздевалку ко мне вваливается солдатик, он только что был Дедом Морозом, а я в лифчике с резинками стою, выкрикиваю ему в лицо слова возмущения, с экспрессией, он пугается и исчезает, я с ним больше не разговариваю.

Мне десять лет, дальний родственник, ему двадцать один год, мальчишка, подхватывает меня и крутится вместе со мной, держа за руку и за ногу, странная фантазия у парня, при этом он повторяет: ну и будешь же ты мужикам головы крутить, когда подрастешь! Ситуация анекдотическая, оттого и запомнилась, наверное.

Сердцеед и записной донжуан музучилища, в котором работала мама, сказал ей: а ваша Рита настоящая красавица, она с гордостью мне это повторила – сам Мищенко сказал, он понимает! Но Мищенко-то бабник, даже я знала в свои пятнадцать лет, что это значит, а мама не знала, тоже запомнилось.

Пропустила, еще маньяк в нашем районе орудовал, девчонок от пяти до восьми лет зывал в подъезд и что-то такое с ними делал, они вырывались. Я шла из библиотеки, с книжкой, мне шесть, дядька у первого дома, мы в третьем по счету жили, я во двор уже вошла: «Покажи, девочка, книжку» – и вот мы уже в подъезде (там удобней читать, нет ветра – дядька сказал), на предложение почитать в подвале (надо спуститься по ступенькам в темноту) я отвечаю гневной пощечиной и вырываюсь на волю. Через два месяца девчонки нашего двора свидетельствовали в суде, дядька оказался маньяком районного масштаба. Помню, что в суде я была, а что там происходило – не помню вовсе. Детская избирательная память, прорывы в тайну, подробностей нет. Но с первых шагов, скользящих шагов на ощупь, в надежде ощутить твердый грунт – воспоминания о первых ростках вот этого гордого «Я – женщина!». Почему?

Понятия не имею, как ты реагируешь. Но ощущаю, когда тебе нравится, а когда нет. Странно, тебе ничего во мне не нравится, а при этом я тебе нравлюсь. Парадокс. Но ты ведь любишь парадоксы. У каждого есть кто-то, единственный в мире. Толпа рассеивается, голосов нет – есть твой голос. Лиц нет. Есть твое лицо. Ты – единственный человек в мире, которого я могу слушать часами. Мне нравится следить за своими мыслями, я не понимаю, но я пытаюсь понять.

Это уже не воспоминание. Слова, неведомо кому обращенные, адресата не существует. Но я обращаюсь к нему, он – свидетель. Придуманный герой моего романа, но как бы там ни было, с ним интересно. Мы на «ты».

Ты замолчал, но ты ведь не умер. И все, что я пишу, что напишу позже, адресовано тебе, и ты это знаешь. Разве это плохо? Стать главной любовью моей маленькой непутевой жизни. И наблюдать за другими Любовями, неглавными.

Погода, погода, листья и шарфики, все перепуталось окончательно. Рита шла медленно, желтое красное зеленое, скукоженные листья, согнанные временем года с привычных мест, шептались под осторожными шагами; мягкое шуршание озвучивает безлюдный парк, Ритины востроносые туфли не дают опавшим спрессоваться в застылом безветрии.

Какая погода потрясающая в городе! В городе Звездеграде, привыкшем жаловаться на дождь и ветер. Прощание с летом и осенью сразу. Повсюду листья, листья под ногами, листья подмигивают с веток, преимущественно зеленым. Оскоминная протяжность восхитительного стоп-кадра. Ощущение, что прозвучит сигнал – и оборвется прелестная песня уходящего времени. Нет-нет, времени года. Или времен? Неважно. Беспечные велосипедистки в мини-юбках и развевающихся по ветру шарфиках, а иногда в маечках без шарфиков, хотя и не сезон. Велосипедисты, наглые как воробьи, впервые не ощутила никакого раздражения. Пешеходы с благостными лицами настроены мирно и дружелюбно. Улыбаются, есть такой вид улыбки, смягчающий и разглаживающий черты, жесткость улетучивается. Доброта и взаимопонимание. И не только с виду. Из чего напрашивается вывод, что погода определяет сознание.

Впечатление, что интеллигентность – в отрешенности облика, когда тебя имеют, кто это сказал, Рита не помнила. Да и зачем? Столько материала перемолола для будущей книги, «Хвала женственности», как она про себя будущий труд называла, заказ феминистской организации, платят вполне сносно. Гранты, помощь фондов социальных исследований, в подробности Рита не вникала. Организация и понятия не имела, что писать Рита собиралась вовсе не то, что от нее ждут. Ну, сколько можно высказываться в привычной манере «кулаком по столу»? Вот фрагмент феминистского манифеста, типичный:

«Радикальная феминистская перспектива: мужчины как класс ведут войну против женщин. Изнасилование, избиение, инцест, проституция, порнография, нищета, гетеросексуальность и феминизм являются основными инструментами поддержания системы мужского господства. Мы должны противостоять всем формам иерархии и эксплуатации, в том числе мизогинии, расизму, классизму, эйблизму, эйджизму, и всем другим взаимосвязанным формам угнетения, входящим в систему мужского господства. Мы должны стремиться к ликвидации отношений господства / подчинения в нашей личной жизни и наших сексуальных практиках, оказывать политическое сопротивление и добиваться изменений в локальном и мировом масштабах».

Куда это годится? Когда-то боролись за право голоса, но ведь как боролись? Излюбленным женским методом воплей и истерик, активистки в шляпках и турнюрах, с непременными зонтиками (иногда вместо зонтика – топор), штурмовали лондонские башни, жгли пустующие дома, били стекла продуктовых лавок по вечерам, когда те закрыты, правда. Да много чего наворотили беснующиеся женщины, свобода она такая свобода, режь рви и жги! Рита до сих пор не понимала: зачем? энергетический всплеск? выхлоп сексуальной неудовлетворенности? Кстати, что это я, как мужик, «представитель вражеского лагеря», тут же о гормонах? – банальность и общее место, одернула себя Рита. Да и клише: «мужчина-враг, мужчина-агрессор» – ложь. Никакой он не агрессор. Если с ним по-человечески. С любовью, а не с ненавистью.

Тотальная амнезия, позабыли главное: любовь – это вначале ожидание счастья, а потом история любви. Ждут ее, страдают в одиночестве, а *как* любить – забыли. Ей-богу, без мужика все рушится, а бабы не ведают, что творят. Добились уже, многого добились, впору женщинам по складам объяснять, что заменить слово «пол» расплывчатым и политкорректным «гендер» – это хорошо, но социальное равенство счастья не приносит, а «ласточки»

мои счастья хотят, все как одна! Я бы теоретизировала до бесконечности, но реальные женщины хотят замуж. Замуж, семью и детей. Чтобы все по-людски. И теоретизировать, что любопытно, их не тянет.

Из Жана Поля Сартра:

«Существует много индивидуальных форм патологии любви, которые приводят к сознательному страданию, и их как психиатры, так и все увеличивающиеся число непрофессионалов – считают невротическими.

Основу невротической любви составляет то, что один или оба „любовника“ остаются привязанными к фигуре одного из родителей и, уже будучи взрослыми, переносят чувства, ожидания и страхи, которые испытывали по отношению к отцу или матери, на любимого человека. Эти люди никогда не освобождаются от образа детской зависимости и, став взрослыми, ищут этот образ в своих любовных требованиях».

Никогда не освобождаются от зависимости... переносят страхи... ищут образ. Да, все так и есть, что поделаешь.

Из Симоны де Бовуар:

«Форма псевдолюбви, которая нередко встречается и часто воспринимается (а еще чаще изображается в кинокартинах и романах) как „великая любовь“, это любовь-поклонение. Если человек не достиг уровня, на котором он обретает чувство аутентичности, собственного „я“, благодаря продуктивной реализации своих собственных возможностей, он имеет склонность „поклоняться“ любимому человеку».

Эва никому не поклонялась, Рите разве что. Но чувства собственной аутентичности точно не обрела, сто пудов. И невесомой сделалась, от земного притяжения оторвалась, воспарила на крыльях любви, Рита в этом уверена. Она улетела. Полгода прошло, но воспоминание о чудесной рыжекудрой красавице, чем-то постоянно встревоженной, неумело пытающейся это скрывать, повергало ее в смятение. Сердечный приступ, внезапная смерть, даже дела не завели!

После похорон Рита отправилась к следователю, намереваясь задавать вопросы. Что случилось, почему ни о какой сердечной недостаточности Эва не упоминала?

Долго ждала у кабинета, наконец ее пригласили войти, за столом сидел человек с невыразительным лицом, удивительно незапоминающаяся внешность! Уверил, что дело завели и тут же закрыли, так как результаты медэкспертизы точны, не дают повода усомниться в их достоверности. «Ворох нераскрытых дел, знаете ли, – он указал на груды папок на его столе, с тоской взглянул на доверху набитый шкаф, сквозь стеклянные дверцы просматривались толстые тома, наполненные документами, – а времени в обрез».

Рита так ничего и не поняла в той истории. Но смерть «ласточки» застряла в памяти невытащенной занозой, ничем не объяснимое чувство, что не все так просто, как ее пытаются убедить.

Эва была фантазеркой. Такие, как она, не страдают от мужского невнимания и предательства, хотя Эва на этом настаивала. Правда, в детали особо не вдавалась, они с ней по большей части рассуждали «вообще», иногда спорили. Записки свои она обещала принести позже, потом-потом, раз в неделю во время групповых тренингов она, как примерная ученица, отвечала на вопросы тестов, а во время индивидуальных встреч не столько рассказывала, сколько слушала. При отсутствии инициативы у реципиента, лучший способ – продемонстрировать собственную силу воли и воспитывать на личном примере.

Эва казалась такой благополучной! Рита была уверена, что ей нужен собеседник, близкая подруга. Да, она приходит к Рите поболтать о том о сем, подчиняясь настоянию родителей. Им приятен факт, что дочь находится под постоянным контролем специалиста, почему приятен – Эва не объясняла.

И как гром посреди ясного неба – скоростижно скончалась, равнодушный незнакомый голос по телефону, ей позвонил помощник Ритиногo отца, коротко передал информацию о похоронах, сказал, что при необходимости за ней пришлют машину. Рита растерялась, она не могла выдать ни слова, сказала только, что обязательно придет, передайте семье соболезнования.

День похорон она помнит плохо, очень волновалась, вокруг столько незнакомых ей людей. Шептались о том, что родители Эвы давным-давно не живут вместе, мать не видела дочку уже несколько лет. Рита окончательно растерялась. Думать об Эве у нее тогда не получалось, она ощутила себя на грани безумия.

Когда пригласили, а скорее дали команду прощаться, она подошла совсем близко к суровому мужчине, недвижно стоящему у изголовья. Высокий, крепкий, черноволосый. И целебный, проникающий взгляд, Рита невольно съезжилась. Она подумала, что впредь нужно быть осторожней.

Об отце погибшей Рита только и знала, что он занимается бизнесом, каким именно, Эва не уточняла. Мать ее Рита автоматически числила домохозяйкой, а о самой Эве шутливо поданная информация: живу отдельно, студентка, будущий адвокат, но законы родины меня интересуют мало – показалась вполне достаточной. Рита еще подумала, какой яркий пример того, что дочь с готовностью исполняет приказы родителей, а индивидуальность ее остается неразвитой.

Сейчас, по прошествии времени, она все больше склонялась к мысли, что Эвина индивидуальность так и осталась для Риты загадкой. Ошибка в методе.

Теперь тактика и стратегия усовершенствованы. Опытным путем, опытным путем. Что поделаешь, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Банальность, но возражений нет.

◆ Да, книга выйдет, Рита ее напишет, найдет слова для обоснования своих выводов, снабдит исследования каким-нибудь мудреным заголовком типа «Парадокс успеха, пути и методы применения достигнутых результатов», ведь ждут от нее очередных разоблачений: как и что мужчины неправильно делают, желательно с примерами.

Рита уже несколько лет работала с женщинами, нуждающимися в психологической помощи, – группу она назвала «Первые ласточки» («Нервные ласточки» точнее, но тайком и про себя, озвучивала для карманного любовника разве что), тогда ее способности мотивировать пострадавших от любви только-только формировались, несколько успешных опытов придали ей уверенности, диплом мотиватора широкого профиля («life-coach», иначе говоря) она получила давно, тогда же и забросила, считая, что пустое, не пригодится.

Но веревочка крутилась-крутилась и выкрутилась, теперь она возглавляет свой собственный «Центр успешных женщин». Слово «успешных» она, как практикующий мотиватор, в название ввела, а работать приходилось в основном с совсем пропащими, попросту говоря, с жертвами. С жертвами монотонно повторяющихся эпизодов несчастной любви. С жертвами, не умеющими понять причины своих неудач. С дурами из дерева или хлорвинила, из нежизнеспособной материи – короче, с особями женского пола, неприспособленными дважды два в уме сложить и прозреть хоть на секунду: тебя бросили, тебе изменили? Забудь обиду, изменись сама! И цитат по теме, с заученным на зубок авторством, у нее хоть отбавляй. Но зачем? Рита не верила в магическое действие чужих заклинаний.

Из Игоря Северянина:

«В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грезофарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы – в Нагасаки! Из Нью-Йорка – на Марс!»

* * *

Феминистические труды (содержание вольное, оплата превосходная, грант-заказ), расстроенные «ласточки», групповые тесты – времени уйма, но не главное. Время у Риты рассчитано по минутам, день забит до отказа, выходных, так чтоб расслабиться, проваляться в постели, как многие, у нее и в помине нет, в постели с компьютером. И в музее. И в парке. Для постороннего глаза – сумасшедшая, еще и с карманным любовником говорит, бубнит себе под нос. Вечно забываю наушники, присоединила к телефону – и вслух кому-то рассказываешь, никто не удивлен.

Каждую свободную минуту она пишет фразы на карточках, работа в библиотеке пригодилась, недолго там задержалась, но удобней крепких картоночек с закругленными углами нет ничего. И не теряются. Чуть больше свободных минут – она переносит готовые фразы в многостраничный файл своего серебристого «Apple» последней модели, надеясь, что предыдущий кусок состыкуется с последующим, но читает написанное, сносит целые абзацы под корень, переписывает заново, костеря автора текста на чем свет стоит.

Автор она сама, Рита пишет роман о любви, рывками, время от времени, бегая от одного занятия к другому и третьему, а бытовые хлопоты! Впрочем, бытом она занималась кое-как и спустя рукава, разве что сантехника приходилось вызывать, кран починить. Но телефон записан, прямая связь со спасителем. Являлся в тот же день, менял прокладки, иногда и краны новые покупал, сам, Рита только расплачивалась, сколько скажет. А так – необходимые продукты в супермаркете покупала, к еде она равнодушна. Ну, и пыль протереть в квартире, иногда домработница приходила, студентка медучилища Сашенька.

Рита выполняет обещания, она всегда выполняет обещания; аванс за будущий роман, пусть махонький, получен давно, у нее вполне приличный издатель, кстати. Неудачницей Риту назвать нельзя.

Она дошла, наконец, домой, и мысли, как у всякой деловой женщины, позволившей себе антракт в середине дня, скачут в разные стороны, текут куда придется. Неудобные мысли, но какие есть, тем более, сейчас она явно расстроена. Первым делом турочку медную на огонь поставить, бутылку «Джонни Уокер» из буфета достать, изящная чашечка с ее инициалами, подарок Павла, и простой с виду стакан тонкого стекла. Она даже не присела – глоток из чашки с инициалами, глоток из стакана, попеременно. Падает на высокий табурет и замирает, обессиленно глядя в календарь на стене, Рой Лихтенштейн. Она бормочет тихонько, будто про себя, но разобрать можно.

Совсем разругалась в издательстве, сегодня уж вовсе разругалась, отпаиваться кофием с виски не выход, но что поделаешь. Больше и на порог не пустят, небось. Хеппи-энды пиши, Рита, что у тебя так сумрачно и безысходно. Дай людям великую сказку любви прочесть! А людям правду читать не хочется? К чему вопросительный знак, правду никому не хочется, ни читать ни знать ни помнить, она раздражает и нервирует.

Любовь, любовь, еще раз триста раз о любви, чтоб она провалилась, а ей и проваливаться не надо, ее попросту не существует! Ни великой, ни безбрежной, ни вечной – какие там еще эпитеты в ходу? Временно и скоротечно, взбурлило что-то – и понеслась лав-стори

вскачь. До первого оргазма. Потом, чаще всего, поиски оправдания, прощение по-английски, или продолжение песни, уже никому не интересной. Пушкин был прав, один был прав, гениальный и непостижимый.

«Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...» Мгновенье и я помню, моментальность всех этих явлений, появлений, пропаданий из поля зрения, миг – и в дамках: «Я люблю тебя». Два мига спустя – не люблю, «я имени твоего не знаю», три мига спустя – «я имени твоего не помню», ну что поделаешь, се ля ви.

Аглае – тридцать шесть, «ласточка» с выматывающей душу историей, отец бросил беременную мать, к роддому на новорожденную Глашу и взглянуть не пришел, ни разу! Мать ей об этом факте рассказала, запомним.

Аглая обиженность матери с ее же молоком всосала, обиженность росла в ней и выросла в огромный, изнутри жрущий солитер. Глаша трудолюбива, интеллектуальна, прекрасно образованна, содержит себя сама (превосходно справляется), две квартиры купила – и матери, и себе, – у нее прекрасная карьера.

Жених бросил ее накануне свадьбы. Говорить она может или об отце, бросившем мать, или о Мише: он предатель, не забудем – не простим. Восемь лет прошло, она вполне могла бы забыть имя изменщика. Но помнит ежесекундно. Женственна ли? Нет. Жертва женственной быть не может, ведь во всей этой легкости скрыта сила великая. А Глаша слаба и немощна.

Она прекрасно разбирается в математике, но в человеческих отношениях дважды два у нее непременно сорок восемь, хоть стреляй. Или стреляйся. Пишет маслом на холсте в свободное от работы время, композиция хороша, а цвета какие? Синий и желтый, гриша, синий и желтый. Выбор оттенков желтого и синего – как учебное пособие, стопроцентный признак фиксации и нервного срыва. Хроника, чреватая тяжелыми осложнениями, как мы с тобой знаем, карманный мой, такие пациенты не выздоравливают. То улучшение, то ухудшение, а в целом – мука мученическая, депрессия навсегда.

Я, гришенька, все больше прихожу к выводу, что женственность – это мощь внутренняя, умение сражаться за себя, крик и шепот, уверенность и достоинство, а не мини-юбка, изгибы линий и покачивание бедрами в общественно доступных местах; не блядские прищипки на разных частях тела для завлечения клиентуры в кровать.

Мужчины не виноваты. Амазонки воевали и отвоевывали, они выжили, потому что детей от воительниц хотел любой нормальный мужик, здоровье духа и тела влечет куда сильнее, чем искусственно выбеленные пергидролью волосы или леопардовые легинсы на бесформенном заду.

Гришенька, карманный мой любовник, тебе можно сказать, ты все понимаешь. Одна проблема – в Аглае амазонской победительности ни на грош. И не дурнушка, и не дура, ну, не добра, так кто нынче добр? Работа – нытье и сопли, на скуку жалуется, хоть клянусь, я бы с ней завтра махнулась, если б хоть что-то в математике понимала! Она в добротную фирму устроилась, начальница без Глаши и шагу не делает, советуется. Глаша умная. Но по окончании рабочего дня, по возвращении из очередной пятизвездочной командировки, после фильмов и выставок, в которых она, не шучу, разбирается (и книжки прочла во множестве, и не только ликбез, продвинутая барышня), Глаша ноет и воет, по Сети или в баре находит новых и новых знакомых.

Она почти каждую ночь знакомится с новым мужчиной, не осознавая уже, что карусель. И в новом визави не любовника ищет, но мужа. Каждый приходит стать ее мужем, Аглая уверена, она рассказывает свою жизнь, обиды на папу и Мишеньку, мечты о семье с ребенком. Наутро «ну почти уже муж и отец» исчезает бесследно... Больше она его не увидит. Назавтра, скорее всего, явится следующий. Глаша снова узнает все и о нем, и о себе

расскажет, и доходы учтет, и рождение детей обсудит. Ресторан, кино, постель, недолгое прощание. Булгаковская Фрида, которой каждую ночь подносили платок. Но та преступная мать, ребенка задушила. А Глаша никого не убила, чиста. За что живет в аду?

«Ад – это другие», – небрежно бросил Сартр, мы аплодируем. У Глаши ад внутри, в ней самой. Почему нет гармонии покоя? Она ведь почти хороша, ну похудеть бы ненамного, чуточку. Но это мои эстетические предпочтения, Глаша ни при чем. Ну, бедро вольней, походку поставить. Но и с Глашиной походкой миллионы баб счастливы, гриша, я правду говорю. Ад в ней самой. Она неженственна, кокетство в нее не имплантировано, и что в сухом остатке? «Возьми меня в жены, возьми меня в жены!» – и так каждый день, каждую ночь. Утром визави испарится бесследно, появится другой, она даже не замечает, что меняются лица, она блуждает, не сходя с места, ищет его, одного-единственного.

Содержит себя сама, повторяю, с жизнью справляется. Но ищет «его» ежедневно, на любого встречного-поперечного примеряет конструкцию «счастье до гробовой доски». Карманный мой гриша, только этого не хватало, чтобы ты со мной спорил! Павел со мной тоже спорил, мол я неправа, девушке нужен нормальный парень, способный согреть ее теплом своей души. Ага, широкой души, открытой большому чувству, смешно. Мы с ним даже переругались из нее, ненадолго, но все-таки.

Ты, гриша, молчи и слушай, не говори мне, что Глаша – нимфоманка, а ее поиски счастья и песня Сольвейг, ждущей любимого, – самообман и подмена терминов. Даже если это правда – не говори. К тому же я с Глашей уже не работаю, мы сделали перерыв.

У меня сдали нервы.

♦ Одна из «ласточек», посещавшая гадалок и предсказателей всех мастей, подарила Рите ритуальную куклу вуду, как сувенир. Махонькая, светлого дерева, типа руки-ноги-огурчик в мелких точечках, смешная. Рита назвала человечка гришей, мысленно тоже с маленькой буквы к нему обращалась, в спиритические сеансы и стук поднимающейся ножки стола Рита не верила, а гриша забавный, его она и звала «карманным любовником». Гриша имел право на звание, только с любовником бывают так откровенны. Ему говорят все, что приходит в голову, особенно поначалу, ведь взаимопонимание от повышенной доверительности часто улетучивается, как дым.

А с гришей говорить можно, не опасаясь последствий. Такой у Риты эксклюзивный ритуал, назовем это так. Ритуальный свидетель.

Дарительницу Вероникой звали, к сороковнику она все освоила, ни каббалы, ни черной магии не чуралась, свободного времени вдоволь, денег для жизни достаточно, медиумы и экстрасенсы всех мастей наполняли дни. Тернистыми путями она соединялась с духом безвременно ушедшего мужа, Рита иногда задумывалась, все ли именно так, как Вероника рассказывает, не найдут ли ее в один прекрасный день, как и Эву, внезапно покинувшей лучший из миров, но – как ни старалась – ничего не смогла нащупать такого, что внушало бы опасения в ее адекватности. Вероника развлекается, Рита для нее еще одна разновидность гадалки, ну и что? В конце концов, Зигмунд Фрейд верно сказал: нормальные люди – это сумасшедшие, чей невроз обернулся не злом, а добром. Рита бы добавила: чей невроз не представляет опасности (поставить точку в конце предложения невозможно, так и тянет добавить «ни для кого, кроме него самого», что уводит в дебри психоанализа, и неизбежно возникнет сомнение, потом завяжется спор, и...).

Всем и везде одиноко. Не одиноко даже, а неудобно. Страхи, неприкаянность, проблемы выборов пути, не забудем неподотчетный ужас «а что будет завтра?». Высказаться – и хоть ненадолго, да полегчает, Рита это знала лучше кого бы то ни было.

Когда психика в норме и представления о жизни в порядке – нет желания откровенничать с кем попало. Но Павел – исключение, давний приятель. С ним она может говорить как угодно и о чем угодно, они встречаются в кафе, много лет назад выбранном кафе на четыре столика, странно, что заведение работает до сих пор, впрочем, ни Рита, ни Павел об этом не задумываются.

Столики и стулья шоколадного цвета, крепкие, под старину. Может быть, и вправду старинные, деревянные диванчики с подушками в тон, ничего лишнего. Каждые две-три недели сменяются картины, артефакты здесь продаются лихо, галерея совриска в тихом переулке. Портреты, пейзажи, у хозяйки хороший вкус, возможно, она замужем за художником, возможно, это ее способ зарабатывать, возможно, она попросту любит атмосферу салона. Рита в подробности не вдавалась. Картины придавали заведению стиль, одиночные посетители – потенциальные покупатели (во всяком случае, кистью по холсту не елозят, это уж точно).

Рита часто задумывалась, что современное искусство – это одно, а контемпорари арт – другое, вовсе другое. Есть же неперебиваемые сочетания слов. Написана картина человеком «с ощущениями», включается механизм сопереживания – это современное искусство. Смотришь на творение продвинутого мастера «с концепцией» – это контемпорари арт, такое у Риты разделение.

Избранный ею для безусловного поклонения Рой Лихтенштейн каким-то образом умудрялся сочетать и то и другое, его Рита причисляла к искусству как таковому. Ей до лампочки, что он вытворял с техникой письма и графическими точками, как он развивал идею комиксов и рекламных постеров; талант наполняет живым дыханием любую картонку, картины приковывают взгляд. Когда Рита впервые увидела оригиналы, она расплакалась. Прямо на выставке, самое смешное, рядом с его «Плачущей девушкой». Тихонько шмыгала носом, не привлекая внимания, но слезы пришлось клинером вытирать, в сумке нашлись только салфетки для чистки айпэда.

С любовником, что картины Лихтенштейна высмеивал (настоящим любовником, не карманным), она рассталась незамедлительно. Есть вещи, которые Рита предпочитала не обсуждать.

«Я знаю, каково тебе сейчас, Брэд» – небольшая работа (она смотрит на него откуда-то издали, как луна на всех нас смотрит, понимающим отстраненным взглядом) – для Риты метафора вселенской тоски и грусти. А «Тонущая девушка» с пояснительным текстом в мыльном пузыре, стиль комикса: «Я лучше утону, чем позову на помощь Брэда», вызывала желание бороться за счастье с утроенной энергией, до последнего вздоха. Бороться и победить, непременно победить!

Чудо произойдет, ты выживешь, не утонешь, нет, никогда, ты выплывешь, ты встанешь на твердую почву – вязкая тина, песок, джунгли – но ты выберешься на простор, где твердая почва, где дышать легко. Сопровителюйся, борись изо всех сил!

А Брэду не звони, сам объявится, когда все тип-топ и ты победила. Предельно оптимистическое произведение, тайна искусства. Моим бы ласточкам показывать как тренировочный тест: «Что вы видите на картинке?». Ну, когда в слезах и соплях приходят – лучше не показывать, наверное. А можно на всем протяжении тренинга демонстрировать, в начале, в середине, в конце, без нажима: ну, очень мне нравится художник, взгляните еще раз. Будет понятно, меняется что-то в сознании потерпевшей от любви – или никакого толку и Ритины усилия бессмысленны.

Рита уже в третий раз перечитывала «женскую библию XX века» – Симона де Бовуар, «Второй пол», – выводы аристократки озадачивали. Легендарная интеллектуалка явно подтасовывала карты под сукном.

– Павел, я не понимаю, зачем Симона бросила в массовое сознание эти глупости: женственность – удел потаскушек, семья – зло, свободный союз двух равных индивидуумов, преодолевших свои естественные различия, – единственный выход. Как можно отрицать женственность? Известить женское начало – губительный замысел, для себя она вот это самое «Я – женщина» обозначила как основную цель жизни. Все, что природой заложено – проверить на собственном опыте, потом рассказать себя, проартикулировать по слогам, что это значит – жить как женщина, мыслить как женщина. И чувствовать все, что доступно только полноценной женской особи, каковой она, кстати, действительно была. Умна и неотразима, изысканна, в нее влюблялись, страдали мужчины и женщины, а она работала как вол, ее выносливости можно позавидовать.

В юности встретила гения, масштаб его вычислила мгновенно – о, удача! сразу поняла, что подруга Сартра – это победный флаг, пусть он тяжелее камня оказался. Камень на сердце вместо мотора – какую силу нужно иметь, чтобы нести с гордостью, вместо того чтобы погибнуть от тяжести невыносимой. Я сбивчиво излагаю, перескакиваю, но ведь она прекрасно понимала, не могла не понимать, что не альтернатива, а болото; полные компромиссов свободные союзы вместо традиционной семьи, полной компромиссов, только и разница... то есть разницы никакой, а для последовательниц – не аристократичных, не элегантных и неизворотливых, имя им легион, – желание следовать ее примеру обернется трагедией.

И эти трагедии на меня валятся чуть ли не каждый день – в виде исповедей, но страдаем вместе. Чтобы помочь справиться – путь один, другого не знаю – пережить проблему как свою собственную. Наталья Петровна, самый свежий пример из практики, еще совсем недавно яркая красавица брюнетка с inferнальным взглядом.

– Рита, не говори пошлостей, какой такой «инфернальный взгляд». Баба и баба, еще одна клиентка, все просто.

– Ага, феминистки термин «мизогиния» через слово повторяют. Не любишь ты женщин, Павел.

– Рита, я скромный научный сотрудник, историк кинопроцесса, Америка, XX век. Интересы мои далеки от суровой борьбы феминисток за политические права. Наслышан, что все началось с уличных беспорядков, истерики и визг в ходе борьбы за право выбирать мужчин в парламент, на самом деле – трансформации либидо, женщинам хотелось самим выбирать мужчин, но я не углублялся. Говорю первое, что в голову приходит.

– Паша, я с тобой почти согласна, но не как теоретик. Как практик. Практика и теория в женском вопросе почти не имеют точек пересечения, параллельные прямые. Ладно, оставим суфражисток в покое, тем более что они давно RIP, мизогиния твоя пусть на твоей совести останется, а моя Наталья Петровна – проблема сегодняшнего дня. Ну, то есть вчерашнего, свою лепту я внесла, умиротворила, но ситуация у нее нерешаемая. Нет решения! А началось с того, что красавице с вполне умеренным IQ – не идиотка, но и не Софья Ковалевская, достался в мужья герой-любовник с развитым интеллектом, сволочь, проще говоря. И внушил ей эту самую идею насчет «свободы в союзе равных». Убедить Наташу нетрудно. Герой трахает все, что движется, не разрушая гнезда, не покидая лона семьи. И Наташа имеет право ему изменять, сколько душе угодно. То есть духовно они близки, а любовников – сколько может освоить, нет претензий. Наталья пока красавицей с inferнальным, – Павел снова поморщился, – взглядом была, от претендентов «кто на что» отбоя не было.

– Это у тебя вечно претенденты «кто на что», без трансфера, пожалуйста.

– Выражение у меня такое, в общем, любовниками волоокая Наталья была, как Федор Михайлович выражался, «окружена». До поры до времени. Начался период волшебного «за сорок», окружение поредело, постепенно и самые стойкие ухажеры исчезли, и осталась наша Наташа «удачно замужем». А муж по-прежнему скачет в разные стороны, как задорный козел, бодряя улыбка по утрам.

Наташа теперь пациентка, окружена армией психологов. Не думаю, что мой тренинг ей чем-то помог, совет можно дать один: «Срочно разводись!». Правило тут одно: как пошел процесс компостирования мозгов рассуждениями о свободном браке – так и бежать надо было на все четыре стороны и куда глаза глядят. В самом начале Наталья ни о чем, кроме нормальной жизни, не мечтала. От женихов отбоя не было.

– Но выбор сделала неправильный.

– Завоеванное право свободного выбора. Хороша была Наташа, краше не было в селе, и привет ей от изысканной женщины-теоретика, писательницы с крепкими нервами Симоны де Бовуар.

* * *

Долгие годы общения – когда-то у Павла голова кругом шла от одного появления Риты, смотреть на нее спокойно не мог. Предложить бы руку и сердце вовремя, но не решался, Уж кто «окружена», так это Рита, не пробьешься сквозь заградительный отряд обожателей, она с одними дружила, с другими спала, но голову морочила всем.

Ее уж точно кроме свободы ничего не интересовало, но сама Рита объясняла проще: мне столько нужно успеть, на серьезные отношения попросту нет времени! Павел ждал удобного момента, но какое там! Очередная стрелка, бурный обмен новостями, вернее, Ритин рассказ о животрепещущей проблеме, актуальной на момент проговаривания. И убежала – дела, дела!

Аскетичный мыслитель Павел нравился женщинам, смуглолиц, крепко скроен и ладно сшит, задумчивый взгляд шоколадно-карих глаз пронзал собеседника насквозь, ирония и вкрадчивая мягкость привлекала многих, но соглашаться на союз «от взаимного одиночества» не спешил. То ли яростная смесь кровей, восток и запад схлестнулись, гены смешанные, отдельный сказ, как его предки находили друг друга. Карта мира! Предки степные и горные вперемежку – генеалогическое древо фантастическое – что там ни говорите, а генетика рулит. Спокойствие стоика, наблюдательность скептика, но за внешней размеренностью поведения в нем скрывался темперамент настолько бурный, что очередная барышня раздражала спустя два часа после знакомства; все рьяные, замуж и срочно, это бесило невероятно.

Вот его Рита... Ах, вот его Рита... Иногда его Рита прыскала от хохота, видя золотнику обручального кольца на безымянном пальце его правой руки, хоть и знала, что это память об отце, ушедшем нелепо и рано, и Павел носит его только в периоды отчаяния.

Депрессия, впрочем, никак не выражалась, разве что говорил он значительно меньше и полстакана водки выпивал, не закусывая. Но полстакана и на этом точка, такие не спиваются.

Руку и сердце Павел так и не предложил, а возможно... да все возможно, сослагательное наклонение не в счет, забыли. Может, и верно поступил. Рита с ним откровенна, прониклась уважением, или решила, что он воспринимает ее по принципу: человек-друг, интересный собеседник. Факт утверждает Риту во мнении, что дружба между мужчиной и женщиной не идея-вымысел, нет, у нее же получилось, запросто!

Павел иногда ощущал себя опытным материалом в крепких руках практикующего идеолога «нового феминизма», Рита изобретала собственную теорию и конкретика ее радовала: мужчина не враг, не тайный любовник, не мучитель, не шовинист, с которым ни на

секунду нельзя забывать, что женская доля это неустанная борьба за право считаться полноценной личностью, не расслабляясь ни на секунду и самоутверждаясь из последних сил.

– И обрати внимание, дорогой, я Симоной восторгаюсь, определенно восторгаюсь, без преувеличения, но воспринимают ее неверно, она всех одурачила. Она мой идеал, или ролевая модель, современным языком выражаясь, и я не шучу. Свобода для нее главное, но слова, слова! Бла-бла-бла! Жан Поль, мудрейший из мудрейших, сообщил ей через два года после подписания их супружеского манифеста, господи, как только речь о свободе, пусть личного характера – тут же манифесты рекой! Он заявил ей, как философ философу, исследуя перспективы брака «вообще»: это ж такая тоска, Симона, быть с тобой постоянно вместе! Жить вместе – нет, никогда! А дальше все примерно как у моей Натальи Петровны, только Сартр не герой-любовник, а теоретик вопроса скорее. И Симона не студенточка-бразильянка, сообщила вмиг:

– Рита, ну как ты можешь! Чушь! Почему не веришь, что она его просто любила, по-бабьи!

– По-бабьи она любила совсем другого человека, о, это суперистория! Как я ей по-бабьи завидую! Она ничего не пропустила, никого не упустила, полюбила, как ты говоришь, «по-бабьи», брутального Олгрена Нельсона, нищего красавца, мощного живописателя чикагской помойки и ее обитателей, ах, ка-какой мужчина! И писала ему письма – целых семнадцать лет, время от времени наезжая в Чикаго рвать ему сердце своим совершенством, а потом покидая на время, вспомнив о Сартре, который «без нее пропадет». Желая Олгрену найти свое счастье и при этом не исчезать из ее жизни.

Парень чуть рассудок не потерял: Симона, я люблю тебя! Кто с ней рядом сопоставим? Да никто! Симона его в Париже печатала, вводила в высокий литературный круг, свои письма к нему издала, ничего не забыла! Грубо говоря, ну извини меня за мой французский – увидела ебаря, бери его, бери! Все умерли, Симона бессмертна – спасибо великому Жан Полю, а Олгрен известен как мужчина, позволивший Симоне де Бовуар пережить первый в ее жизни оргазм, а заодно поверить, что его, оргазм, симулировать необязательно. Симона стремилась на практике познавать жизнь (бедный Нельсон, воскликнувший: «Я был для нее эпизодом в книге, она хочет все испытать на себе!»). И познавала, упрекнуть ее в теоретизировании сложно.

Сартр – он теоретизировал, любовник-то никакой, не в том его сила. Но на своей манифест-подруге отыгрывался всю сознательную жизнь. Мудрые советы давал, они встречались часто, вначале ежедневно, потом реже. Симона ему необходима, она его секретарь!

А под конец истории он ее и к рукописям подпускать не хотел, юную африканку полюбил и поручил ей секретарскую работу, Симона была в бешенстве! Да уж сколько раз она в бешенстве была – из-за сартровского «быть вместе – какая тоска!» она и подруг с ним делила, и... Он любовницу удочерил – и она вслед, только поспевай!

И что? Жертва свободного союза, умеющая бороться за себя, обладающая высокоорганизованным интеллектом и супервыносливостью, бросает идею «семьи с манифестом» в массы, как девку в полк. Кто это сказал? Ах да, Губерман, не совсем дословно, но в этом духе. Идея извращается, женщины страдают, не умея понять причину страданий. Вот и все, нечестно, ай-яй-яй!

А второе – Симона только подтверждает распространенное мнение, что умная и одаренная женщина вначале обретает почву под ногами (находит мужчину, способного ее направлять, поддерживать... или пичкать идеями, на худой конец), а уж потом приходят слава и успех. Симона великая женщина, я не об этом. Даже незаурядные женщины, пусть не такие изворотливые и сообразительные, как она, ничего не умели добиться без мужчин. Без помощи мужчин. Не согласен? Назови хоть один пример, мы его обсудим.

И миллионы жертв, та же Камилла Клодель, мученица Родена. Мы в восторге от его портретов Камиллы, модель у него превосходная. Но Камилла гениальный художник! Это не удержало Родена от соблазна уничтожить ее. Он годами наблюдал ее страдания и не вмешивался. Роден умер, так и не посетив богадельню, в которую упекли обожаемую им, но чрезмерно темпераментную Камиллу озабоченные несоблюдением приличий родственники (а ведь она именно на это, на свободный союз решилась!).

Темперамент – это наказуемо? Ничто не наказуемо. Роден на себя ответственность брать не захотел. Вот и все. И погибла Камилла, отмучившись за всех. Конечно, она попроще Симоны была. Вернее, у Симоны психическое здоровье железобетонное, она не уставала повторять: «Я всем обязана только собственному здравому смыслу».

И насчет женственности, моя главная боль, ну посмотри вокруг: разве так уж часто ты видишь не просто особь женского пола, а женщину? Она и двигается иначе, и запах у нее особенный, и говорит она так, как уже никто не говорит. Боролись за право самим нести чемодан, и победили – извини, я снова об этом. Ну и что? Да, боролись за право стать «как мужчина». Какая чушь, хоть тут Симона не врет, женщина – это Другой.

Ну, что-то типа они с Луны, а мы с Марса, как я с юности поняла. Иначе, мол, женщина – придаток и отросток, ни рыба ни человек, боже мой, я сейчас зарыдаю! Ты знаешь, как наказание мне, я вижу один и тот же сон, часто – копошатся люди будущего, с головы до ног в сером. Никаких различий по половому признаку, четко распределены гендерные роли; металлические детали у машин, и машины из крепкого металла, и реклама неоновая, таблички яркие с указателями, кому и куда – где есть, а где пить.

Сталь, железо и беспросвет. Дети не в любви зачинаются, любовь кончилась. Сперма пока в наличии, оплодотворяют лабораторным способом, очередь – дети в порядке очереди, из окошечка рука с пробиркой, вам достался этот экземпляр! Идите в пункт внедрения плода! Проходят, суеты никакой, всеобщий порядок и законопослушание, за непослушание – расстрел на месте, непокорные проваливаются в схлопывающиеся дыры. Торжество и диктат закона – ни судов, ни следствий!

А ведь так и будет! Так и будет!

И это надо остановить, понимаешь? Крен не в ту сторону пошел, кино «Титаник» – нам показали, мы поплакали и перестали, но запомнили: обреченный корабль еще на плаву, пассажиры танцуют, дамы любят водной рябью, гребни волн украшены пенными гребешками, вода вокруг ледяная, об этом никто не думает.

Павел понимал, что выслушивает еще одну версию первых фраз ее будущей книги. Рита находилась «в блаженном периоде сбора материала» – набоковская фраза, правда относящаяся к писателю-мужчине. Женщина Рита в периоде сбора материала напоминает залетевшую красотку, готовящуюся рожать в поле, с воплями и криками, фазы беременности не имеют никакого отношения к развитию плода согласно календарю, все непредсказуемо. Павел мычал одобрительно, кивал, не особо и вдумываясь, завтра будут другие фразы, он хорошо ее знает, вначале идут километры набросков – тут единомышленник остро необходим, симпатия ее поддерживает, она считывает реакцию как веб-камера, – он ей это сказал, она почему-то обиделась.

С привычной категоричностью она облекала в слова сумбур полученного ею самой опыта, богатого, надо сказать. Ее смущало одно – как доложить читателю в качестве полезных советов то, что ни один мало-мальски осторожный человек повторить и применить на практике не в состоянии. Эту мысль он тоже Рите донес, но осторожно, щадя ее самолюбие, стараясь не уничтожить ее энтузиазм, в конце концов, она загорелась идеей, пусть пишет.

Но излагать свои, эмпирическим путем полученные знания, она не должна. Опыт у нее богатый, а крыша слегка набекрень, ей многое позволялось и сходило с рук.

Прожитое Ритой все равно никто не повторит, личный опыт не экстраполируется на других, да и зачем учить кого-то жить? Секреты успеха. Она разогревается перед долгой работой, критикуя Симону де Б., но сама повторяет ее манипуляции, как по инструкции. Каждому отмерено то, что отмерено, ежа летать не научишь. Павел произносит что-то вслух, невольно произносит, сегодня ему не хочется спорить.

Золотоликая осень тиха. С трудом оборвал инстинктивное движение – собирать огромные листья по дороге, прийти с осенним букетом. Но нет, это уже было, Рита убедительно просила букеты не приносить. Друзья встречаются и беседуют, кофе-чай-тортик, ей так понятней.

– Опять ты за свое! – Рита обрушивается на него с хорошо знакомой ему горячностью. – Девяносто процентов женщин и не подозревают, что жизнь устроена идеально, внимательно изучите противопожарные правила – и поступайте по-своему, реальность подчинится, реальности нет, спасибо дорогой Жан Поль, глаза мне открыл.

Есть только то, что мы в состоянии воплотить, сартровская теория авторства и ответственности гениальна! «Ты всегда можешь сделать что-то с тем, что сделали из тебя».

Я творю свою жизнь, как Рой Лихтенштейн писал свои картины, вышивая по канве, по чужому наброску. От меня хотят, чтобы я была матерью и женой – о'кей, я мать и жена. От меня хотят, чтобы я обеспечивала свои нескромные запросы, работала и была успешной – я успешна, но запросы растут. От меня хотят, чтобы я была элегантна и очаровательна, о'кей, я...

– Вот тут верно, Рита. Ты неотразима в своей убежденности, это единственное, что дает тебе возможность жить так, как нравится, – Павел действительно так считает, ему хочется ее целовать, и пусть бы молчала, пусть бы не писала ничего, зачем?

Но у них поцелуи отменены, они пожизненные друзья – потому что жить друг без друга не в состоянии.

А когда-то была любовь.

Была и сплыла.

От нее сплыла, с ним осталась.

– Ты даже не заметил, что все перечисленное – три кита, на которых зиждется женский успех. Три кита для одной женщины – неподъемно. У каждой разный потенциал, генетика, возможности. А требования ко всем – одни те же: будь счастлива в любви, расти детей, работай! Ну, или делай карьеру – как кому больше нравится. Груз какой, вдумайся! Живи, пари над суетой, улыбайся и трудись, твой муж заботлив (это в придачу, а с чего это он заботлив, ни с того ни с сего?), да, чуть не забыла, при этом он работает, и деньги (все до копеечки) в дом.

А что на самом деле?

На деле я художник и рисую картину своей жизни, предъявляю людям результат – смотрите, любуйтесь, считайте, что все мне само на голову упало, я так удачлива!!!

Быть женщиной – тяжелая работа, с утра до вечера, без выходных. Чуть расслабилась – и тебя, свободную и счастливую, трансцендентно развитую и имманентно устроенную, уже десять человек скопом оттрахали, и в офисе имеют во все дырки, успевай уворачиваться.

Мне для статьи анализ российских TV-сериалов понадобился, массовое бессознательное, описывала устоявшиеся комплексы. С примерами, естественно.

Ты знаешь, включила в кои-то веки ящик, целый день смотрела подряд, с канала на канал переключалась, на следующий день нерв над левым глазом воспалился, а сериалы под копирку. Все как один!

Героиня – красивая, суперуспешная, сумку «Биркин» приобрела и ходит с ней в кадре туда-сюда, но окружающие ей сочувствуют, с пристрастием обсуждают и вслед с сочувствием глядят, потому что мужа у нее нет. И что только наша суперуспешная героиня ни делает, чтоб мужа себе найти!

Хоть какого-нибудь!

Иначе социум ее с прискорбием загрызет, житья ей не даст. Наконец, победа! Тип с алкогольной зависимостью, с рефлексией и хроническим когнитивным диссонансом; баб ежечасно меняет (где только силы берет? предает ее не трижды, а систематически, и прочее), это ничтожное существо с фаллосом усаживается рядом с нашей победительницей – и социум мгновенно успокаивается. Героине наконец-то завидуют, героиня может передохнуть и побаловать себя печеньками, сидя на белом кожаном диване и забыв о комплексах. Совет да любовь! Женщина сложной судьбы стала полноценным членом общества, иного решения не предлагается.

Пример реального положения вещей. Феминизм в действии. Люди вокруг теоретически не подкованы, для них одно важно – знать, что личная жизнь у начальницы устроена. Теперь – уважаем.

Другой пример, вспоминаю, сразу нервный тик над глазом слева, даже если вкратце тебе описываю, а ведь кто-то эти сценарии пишет!

Героиня колхозом руководит, молода и решительна. Пропащего Петю трудами великими заполучила в мужья – окружающие тут же уgomонились. А до того ее все, включая маму героини – Гвоздикова играла, она до сих пор в форме, молодец, – оплакивали в голос! Председательша колхоза с Петей-трактористом до ЗАГСа дошла – и жизнь удалась, может на уборке урожая сосредоточиться.

Петя ей с трактора рукою машет, тридцатые годы, как это сегодня можно снимать? А ведь снимают! И как смотреть можно? без ущерба для окончаний глазного нерва?! А ведь смотрят! Ты суть улови, Павел!

Сегодня, когда свобода выбора, что ни говори (за что боролись?), двадцать первый век – глобализация и модернизация et cetera, – а баба в лепешку расшибется, всего достигнет, но если она одинока – любая кассирша из супермаркета будет ее жалеть. Понимаешь?

Ничего не изменилось! Требования возросли, а маркировка у счастья та же – мужик в доме и печать в паспорте. Плюс дети, желательно двое. Даже обязательно двое, мальчик и девочка, девочку Ксюшей звать, вот тогда женщина на коне! Распознается обществом как полноценный субъект. По-че-му?! И денег от мужа никаких, и неуверен в себе, под ногами опоры ищет, а рапорт выглядит идеально: «муж есть, дети в порядке», только тогда вздохи окружающих по поводу твоей несостоявшейся жизни прекратятся.

Ну, куда это годится? Опять все с ног на голову.

До каких пор бабу дурачить будут, стерву из нее делать, хотя подсказки, как тут не остервенеть? Терпи и люби, потому что любить – вроде обязанности. Да, люблю его бескорыстно и всей душой! Счета оплачиваю сама, все до единого! Я счастлива!

Приехали.

А все почему? Казуистику феминизма мужчины умело обернули против женщин. Ловко, в момент! Женщины еще «а» не сказали, как все остальные буквы алфавита им уже в отредактированном виде преподнесены, записывай, свободная и независимая! Беги, рас-

крепощенная и никому не обязанная, беги по кругу, пока сил хватит, загнанных лошадей, как ты знаешь, пристреливают.

Мужчины сориентировались тут же: определяйся, милая, с самоосознанием, развивайся, а я пока пивка попью. Клади асфальт, чемоданы таскай, да хоть в каменоломне трудись, ничто в облике моем не дрогнет от созерцания. Шли-шли, трубили трубы, колокольный звон в ушах стоял, оглохнуть можно: «Женщина – человек, а не особь женского пола!» – и пришли. Постоим, передохнем маленько – и снова пойдем, труба все еще трубит. И колокола звонят.

– Сумбурно пока. Преувеличиваешь. Есть проблема, спорить не буду, но есть множество достойных подражания примеров и среди биологического вида «Мужчина – человек, а не особь мужского пола». Не повторяй сказки истеричек, стопроцентные мужики не перевелись.

– Так и теток до фи́га, кому возросшие обязательства освоить – раз плюнуть. А остальным что? Кто развиваться, в силу разных причин, не в состоянии? Кто не умеет? Слабым и женственным, никчемным то есть, куда деваться?

Как были в кабале, так и остались, но зависимость имеет особенность усугубляться. На деле завоевания феминизма выглядят так: сама зарабатывай, сама содержи, сама рожай и сама воспитывай, плюс помни, что тебе повезло. Ты замужем. А то, что он пиявкой к тебе присосался и риторикой занят с утра до вечера, – это ничего страшного, прорвешься. Как Людочка, подружка наша...

– Сто лет не видел, кстати. Девушка, обреченная совершать подвиги, у нее только это и получается.

– Не иронизируй, у каждого своя правда. Но ты знаешь, что она мне недавно сказала? Гарик работает, ты сам знаешь, раз в три года по месяцу, а девочки у него меняются круглый год. Двое сыновей, один из них проблемный и особого ухода требует, все на ней. А она: мне повезло, говорит, что Гарик моим первым мужчиной был, женился, а то бы всю жизнь одна... ну и так далее. Ты въезжаешь? Бездельник этот *ее* предпочел! Ей крупно повезло, что она его встретила! Она квартиру сдает, в пять утра просыпается, чтоб на работу «неполный день» успеть, в три уже дома – и карусель, кого из школы забрать, кого в бассейн, уборка и готовка, юбка на ней дешевенькая, со скидкой, Людочка гордится, что модная. Потребности, конечно, враг человека, но не до такой же степени!

Рита отчаивалась, когда говорила о случаях эксплуатации в семье, известных ей во множестве. И что же ее клинит от чужих историй? Врач не казнится при виде пациента с острым приступом аппендицита, он привыкает, адаптируется. Циником становится, наверное. А Рита сочетает профессиональный цинизм с впечатлительностью юной курсистки, Павел ей однажды об этом сказал, она обиделась:

– Это не чужие истории, это камешки и бревнышки, из них складывается целостная картина! «Женщина должна быть свободной, женщина освобождается, женщина свободна!»

Сказки, иллюзии. Потенциал у каждой отдельно взятой женщины свой, разные мы, понимаешь? Разные возможности, а условия одни для всех. И вообще, что это за слово такое – *все*?.. Ненавижу и еще раз ненавижу!

Русский феминизм – что это? Два варианта: ухоженные тетеньки, потерпевшие жизненный крах, едут в Штаты деньги на борьбу выпрашивать, получают помощь, это успех! Потом на помаду тратят, на сумку от «Hermes» – и отчеты пишут, английским они обычно владеют хорошо. Цитирую – это не топором славянским на березе вырублено, а из манифеста активисток фраза: «Главная задача феминизма – овладение английским языком».

Впрочем, это уже о втором варианте: прибегает она, невытая, нечесаная, рот воплем раззявлен: муж пьяница и бездельник, дайте денег, дети в доме не кормлены. Или так: пойду-ка я, девки, в офис нашего с вами освобождения, заявлю, что Митька мой рукоприкладством занимается, а уйти мне некуда, в одной комнатенке ютимся, фотку оставлю Петькину и Нюсечкину, пусть объявляют сбор средств на новую квартиру.

А западный феминизм духами пахнет, в отличие от самих представительниц, в большинстве случаев они и на Западе «унисекс» – свитера черные, платья мятые и бесформенные, черты лица... ну, не будем о чертах, забота о внешнем виде объявлена постыдным кокетством потенциальных гетер. Но слова, слова какие звучат! Идентификация женщины, фемининная картина мира, женское чтение, история женщин как отдельный предмет в университете, история женской литературы как факультет, и диплом выдается! Подразделы – борьба с мизогинией, преодоление имманентности... книги с мудреными названиями, интернациональные форумы в стильных круглых залах с белыми кирпичными стенами, невнятные акварели на стенах, ничто не раздражает глаз. Активистки съезжаются, ведут наукообразные беседы, серьезный и вдумчивый разговор: «Имена тысяч женщин-писательниц канули в Лету незаслуженно, причина одна – мужчины-шовинисты сознательно замалчивали продукт женского творчества». Длительное обсуждение, трехдневная конференция, вспомнили всех поименно.

Почему разница так велика? У нас ведь на слово «феминизм» реагируют, как на заморский фрукт, что цветом и вкусом не вышел, рекламируют его повсюду, но бездарно, фрукт то ли кислый, то ли терпкий – никто не вник, но оскомину набить успели. Феминизм? И лица съезживаются, губы уголками вниз – не-не-не! Только не об этом! Я как-то с журналистом из «Нью-Йорк Таймс» говорила...

– Из «Таймс»? – удивился Павел. – Ты мне ничего не рассказывала. Приставал?

– Павел, ко мне все пристают, если ты об этом, мне что, перестать с людьми разговаривать?

– Ну, может, одеваться как-то иначе...

– И губы не красить, и майку надеть с лозунгом «I'm a feminist», майка вылинявшего цвета, то ли сизого, то ли бежевого. За верность движению меня никто не наградит, пока девяносто не стукнет, если доживу. Пока без наград существую, тяжело, но что поделаешь. Не перебивай, имя у парня из «Нью-Йорк Таймс» смешное было, как-то... о, Эйлин его звали, имя женским показалось. Он мне экскурсию устроил в здании центральной газеты мира, с коллегами знакомил, видеосюжеты показывал, Эйлин в Украине много снимал, представляешь? И по России ездил, собственные впечатления получил эмпирическим путем. В Перми с активисткой русского феминизма познакомился, она с ним была откровенна: «Да, я ради грантов этим занимаюсь, деньги хорошие, пару конференций проведу – и на Кипр или в Таиланд». Смеялся Эйлин над феминистками. Да мне самой смешно. Неверные указатели на пути. Они неустанно маршируют в обратном направлении, размахивая манифестами, как веером.

– А речь зашла потому, что...

– Да, потому что он спать со мной хотел. Я тебе никогда свою собственную концепцию феминизма не излагала? Так вот, что такое женский феминизм, меня часто просят рассказать, не ты один.

– Я не просил, – напомнил Павел.

– Мне же нужно репетировать? Если тебе некогда – можешь идти, я хозяйке кафе изложу (или карманному любовнику, добавила про себя Рита).

– Часто просят сформулировать вкратце, но я уклоняюсь, зачем лезть с советами? Как-то задумалась – а если попробовать обобщить? И все недосуг, одно занятие сменяет другое.

– Ага, туда побежала, сюда побежала...

– Возможно, но за неорганизованность не судят. Кое-что, согласись, успеваю. Павел, я практически импровизирую при тебе. И для тебя. Но, как ты понимаешь, позже тезисы обретут научный вид.

– Наукообразный, скорее.

– Ну пусть так, не перебивай. Слушай. А вот о непродуманных моментах сообщай, у тебя чуткое ухо, будь так добр. Ты и так добр, я знаю, но «Феминизм с оружием в руках» вежливости не отменяет. Самый сложный вид феминизма, кстати. Сложный для участниц движения, требует определенных навыков, гибкости и умения мгновенно анализировать ситуацию. Чтобы трансформировать ее в соответствии со своими потребностями. Это наука побеждать. Поэтому воспринимается, хочу предупредить, как рекомендации циничной женщины. Это не так, но если даже это так... думаешь, циники не чувствуют? Еще как чувствуют! И любят самоотверженно, посильнее многих, оттого и становятся циниками.

– Неубедительно.

– Не перебивай, мой цинизм мы обсудим позже. Итак, принципы воинствующего феминизма. Их два. Первый и главный – не убивай женщину в себе! – Паш, извини, я сейчас не к тебе обращаюсь... мысли разрозненные, пытаюсь систематизировать. Мне очень трудно.

Рита уставилась в какую-то точку, она часто буравила взглядом лампу, фрагмент статуэтки, лишь бы светилось или блестело, Павел привык. Он вообще к ней привык, а главное – понимал, что жить без нее не может. Никто другой ее не заменит.

Рита откашлялась, в последнее время в горле часто першило, надо бросать курить, но две сигареты в день, иногда четыре – ну разве можно от всего на свете отказываться? Она и так много работает, совсем не пьет... ну почти не пьет, а ест и вовсе как птичка – по зернышку, где ухватит. Готовить Рита не любила.

Раньше пиры закатывала, шумные приемы, праздники с фейерверками, где главным номером программы становилась не кормежка гостей, а Рита, Риточка, Ритуся – в модном платье, со свежим маникюром, всегда переполненная историями, часто придуманными. Придумывала она лихо, не придерешься.

– Павел, не суди строго, впервые озвучиваю. Итак, тезисы. Слушай и не перебивай, умоляю! – Она действительно волновалась, хозяйка ей стакан воды принесла, на столик поставила – наблюдательная дама, внимательная. – Складывается впечатление, что феминизм нам навязали мужчины.

– Это ты мне по секрету сообщаем? – не удержался Павел.

– Я же просила, выслушай! Вопросы потом. Я исследую тему, приходится глубоко копать, находить специальные книги, чтобы не одни только «манифесты» читать, которые мне подсовывают. Ре-ко-мен-дуют! – Она подняла указательный палец вверх и посмотрела на Павла многозначительно. – Любопытно, почему в книжных магазинах у продавцов недоуменные глаза, если спрашиваешь – где у вас литература о женском движении? Каком-таком движении? – глаза округляются, тут же. В университетские библиотеки отсылают или просят уйти по-хорошему. Но некоторые книжки отыскались, удача! Паша, ты слушаешь? Ну прошу тебя! Даю предвариловку, краткая историческая справка, ОК? – Рита разложила листы формата А-4, пять или шесть белых пятен на столе, она их местами меняет, упорядочивает.

Павлу на самом деле интересно стало, но невозмутим и виду не подает. Кивнул едва заметно, Рита приободрилась:

– Коротко и по порядку. Чуждое нам слово «суфражистки», все что-то слышали, но что мы про них знаем? Англичанка Панкхерст Эмелин – радикалистка, приковывала себя цепями к Букингемскому дворцу. Элис Пол, американка – основательница женской партии, устроила голодовку в тюрьме, потом ее перевели в психиатрическое отделение больницы. Продолжать? Да ни к чему. Имена, имена, целая история. Вереница идиотских выходок – расскажу, но не сейчас, а то нить потеряю. Смешно, а потом плакать хочется, честно говоря.

В начале века американские и европейские феминистки, отчаянные и неостановимые, взбунтовавшиеся фурии и ведьмы во плоти, истерили в общественных местах. Дома жгли, пустые правда, зонтиками и шляпками дрались, излюбленный метод борьбы – эпатаж. Голосом брали, визжали и безобразничали.

В 1920 году женщины получили право выбора в Америке, в 1928-м – в Англии, и что? Лента фотографий бесформенных особей в серых вылинявших свитерах с фанатичным огнем в глазах и ожесточением в лицах, десятилетиями одно и то же. Проводят конференции на деньги спонсоров, гуляют в парках и садах, спорят. Без повода и не поймешь, что их, собственно, тревожит. На женщин не похожи, дрова с сиськами, подбородки отвислые, тяжелые лбы.

А женственность улетучивается, рассеивается как дым, женственность легка и невесома как чистое дыхание, как нежность апрельского ветра, сыростью громыхнет – и ветер сникает, делается ватным, неловким. Тяжесть и женственность – враги. Опять отвлеклась, извини. Павел, закажи мне чаю, пожалуйста. А то я что-то официантку не вижу, и хозяйка исчезла.

Павел поднялся из-за стола, минуя стойку, исчез в подсобке. Через тридцать секунд вернулся – все в порядке, чай сейчас подадут.

– Продолжай, Рита, я весь внимание.

Рита снова откашлялась слегка и выпрямилась на стуле, вглядываясь в один из листков, исписанных широким почерком – почерком, который она сама не всегда могла разобрать.

Борьба за женское избирательное право длилась долго, набрала немыслимые обороты, наконец – в 1952-м и 1979-м, две даты – в конвенциях ООН победа закреплена документально.

В России ни за что такое не боролись, в XIX веке мужчины – писатели, историки и социологи – рассуждали, что проблема есть, но ситуация в обществе еще не созрела, о равных правах говорить преждевременно, нужно подготовить почву для женской самостоятельности; в конце концов грянула революция, и равные права женщинам достались автоматически.

Принудительное равноправие всем: красавице с томным взглядом, крестьянке с усталым лицом, восторженной студентке, прачке с узловатыми пальцами и капризной жене генерала. Рюши, оборки, мечтательность... где все это? Унесенные ветром типажи. Отчалили последние корабли в Стамбул, а там... Париж, два-три домашних салона с церемониями, хозяйки которых выбивались из сил, демонстрируя завсегдатаям заученные в прошлой жизни привычки; русская княгиня, придумывающая сумочки для амбициозной модистки Коко Шанель, вышивальщицы – русские графини и баронессы. М-да, я опять отвлеклась.

Вопрос – должна ли женщина себя украшать? О нет, заявляют нам, кокетство недопустимо! Значит, свободная женщина – некий биологический вид в камуфляже унисекса? Заспорили дамы, тонны бумаги исписали, труды и диссертации, но мужской отклик куда конструктивней: не медля ни секунды, они безжалостно окарикатурировали и без того одиозный процесс. Пародиям и шуткам нет конца, борьба женщин за свои права традиционно вызывает недоумение и смех.

Пришло время, можно итоги подвести. Главный итог – принципы феминизма пора очистить от шелухи, налипшей еще со времен исторической борьбы за равенство полов. «Сооб-

щества независимых женщин отличаются крайней ограниченностью и противоестественностью», это еще Симона де Бовуар заметила.

Боролись за право избирать и быть избранными, получили право на издевку со стороны мужчин, бесконечные обвинения в истеричности: это все бешенство матки, злоба от одиночества. Буйным предлагают найти мужа, завести любовника или купить вибратор, одна и та же песнь. Мастурбировать, мастурбировать и мастурбировать!

Но как быть с истериками Камиллы Клодель в разгаре бурного романа с гением? Какие могут быть страсти и чувства, если нет конца взаимным предательствам, лжи большой и лжи маленькой, ежедневной. Как быть с истериками Камиллы, еще раз спрашиваю, с истериками от невозможности смириться с тем, что тебя попросту используют как повод для вдохновения, а вслух называют музой?

Цели и задачи изменились, переименовывать движение пора. Или перелицовывать. Феминизм с оружием в руках, но с женственностью в облике:

– Это прежде всего – победительность. Победительность и привлекательность. Да-да, танк с цветами на корпuse.

– Это любимая работа, которая вами выбрана, вы трудитесь с удовольствием, у вас получается. Нравится зарабатывать деньги – зарабатывайте, нравится вышивать – вышивайте, нравится полками руководить – вперед и с песней, сутками, но главное, делайте то, что и уму доступно, и сердцу любо, соответственно темпераменту и внутренним устремлениям, трудности преодолимы, все практически.

– Это железное спокойствие, умение творчески мыслить и поступать. Непредсказуемость – наш флаг. Поднимем его из пыли, отряхнем и понесем гордо. Никто не должен знать, что женщина сделает через десять минут.

– Это жесткая диета и тренажерный зал.

– Это взгляд амазонки, готовой разорвать любого, кто намерен ее обидеть.

– Это сумка не под цвет туфель, не забудьте.

– Это одежда: линии простые, цвета непременно разные. Юбка до середины колена, не выше. Если брюки – то не в обтяжку, до складок в интимных местах, а чуточку свободные, мягко обволакивающие божественные линии вашей физиологической индивидуальности. Иногда с ног до головы в черном, неожиданная смена образа – наш еще один флаг. Не надо дорого, надо просто. И ничего такого, что вносит сумятицу и беспорядок, не нужно пугать людей без толку. И не пейте столько шампанского, не надо водку хлестать чуть что или красное вино, про которое вам рассказали, что оно токсины выводит. Вы что, точно знаете, из чего это вино сделано?

– Это опытная косметичка и умелый макияж по принципу «отсутствие макияжа» – минимум косметики, косметика осмысленная. И сделайте себе фигуру человеческую, поначалу трудно, потом привыкнете. Тренажерный зал – лучшее лекарство от депрессии. Мышцы на ногах развитые. В руках сила и упругость. Живот втянут, попа не отвисает. Поработайте.

Подруги наши боролись, чтобы равенство отстоять. Мы его получили готовым, к чему это привело, кроме тотального одиночества и массы проблем?

Теперь надо вспомнить, что такое быть женщиной с конституционно гарантированными избирательными правами, с карьерными сложностями, с рефлектирующими мужьями, с детьми на руках, кухню тоже никто не отменял.

Мы творим свою жизнь, нам не нужно абсолютное равенство, его все равно не добиться. Нужно стать вершительницами своей судьбы.

Пора спасать жизнь на планете, планета уже совсем никуда не годится, мужчины нам равенство навязали, ни на секунду расслабиться не дают. Мы всем должны! И на работу успеть вовремя, и замуж выйти вовремя, и родить, пока рожается, и воспитать в условиях постоянного цейтнота, ухудшающейся экологии, в эру этого самого глобализма, за него суф-ражистки вроде не боролись, а эра все равно наступила.

Наше оружие – женственность. Феминизм нам ее не вернет, сами должны позаботиться. И все станет на свое место, притом что избирательные права у нас уже есть.

В эпоху равенства, чуть только женский голос зазвучит уверенней, его тут же глушат, как нелегальную радиостанцию. Упреки в недостатке сексуальных впечатлений, в одиночестве; *никому-не-нужности*. «Женщина должна быть нужна мужчине!» – это миф или приговор? Ни то, ни другое, это реальность, данная в ощущениях. Победа оказалась бумерангом, круг описала – и обернулась поражением. От такой победы только новые шрамы и тяжесть на сердце.

У нас ведь женские сердца, они бьются и трепещут, как выцветшие флаги на ветру. Спасите нашу женственность!

СНЖ! / SOF! – Перестроим нелепое сооружение феминисток, начиная с фундамента!

Рита подровняла листки бумаги о твердую поверхность стола, залпом выпила чай, уже почти остывший.

– Павел, я практически закончила. Развивать можно до бесконечности, но суть как на ладони. Для бантика в конце, – Рита нажала иконку «Заметки» на экране айпада, – приведу слова одной моей «ласточки», вполне успешной дамы. Видел бы ты ее, когда она ко мне пришла впервые! Но мы работали. Время от времени я просила ее записывать «мысли в конце дня». Метод продуктивный, плюс она теперь очень недурно пишет. У тебя еще есть силы слушать?

– Рита, когда я вижу тебя...

– ОК, спасибо... – Она улыбнулась наконец. – Тогда несколько строк из последних записей, минуту внимания!

– Рита, а чаю еще заказать? – спросил Павел.

Рита так покраснелась, лучше бы ей таблетку успокоительного принять. И дыхание учащенное.

– Закажи, конечно. Пить хочу безумно! Тяжелая это работа – женское движение пре-образовывать. Ну вот, небольшой кусок «из Анечки», ну послушай!

«Сегодня у нас собралась компания, я выглядела офигительно, мной восхищались: Анечка красавица, Анечка умница, Анечка прекрасная хозяйка. Муж на седьмом небе, когда мои таланты превозносят до небес. А я? Г олова разламывалась от утягивающей спец-одежды, я была не в состоянии выговорить простые фразы, только улыбалась и кивала, как китайский болванчик. Музыку специальную нашла, танцевала до упаду – на 12-сантиметровых шпильках! В моем-то возрасте!

Закрыв дверь за последним гостем, тут же содрала с лица косметику и приняла душ, как после изнасилования с пристрастием. Наконец-то могу вздохнуть полной грудью! Каждый раз повторяю: „Никогда больше!“ И каждый раз пугаюсь таких настроений. Уйдет желание выглядеть ослепительной и божественной – и превращусь в пожилую тетеньку с благопристойным бобриком на голове. Не бывать этому!

И я снова клянусь себе, что никогда не предаю свое тело, любыми способами, любыми видами оружия, конвенционального и неконвенционального, буду сражаться за его молодость и красоту».

– Чушь какая! – сказал Павел.

– Павел, она привыкла к домашним заданиям. Я просила ее записывать все, что ей приходит в голову. Аня записывает. Шучу, ее записи – банк для исследований, Аня мне очень помогла, мы почти подружились. Почти. Ты же знаешь, друг у меня нет, это не обсуждается. Но Аня раскрепостилась, зажатость исчезла.

Аня умная, энергичная. Она поняла, что значит быть победительной, она мой большой успех! Муж стал к ней внимательней, дочь стала управляемой, Аня теперь работает в журнале, она колумнистка, вызывающая читательские симпатии. Ни одного комплекса не осталось и в помине!

– Отсутствие комплексов – тоже комплекс.

– Павел, я не об этом. Я проверила мои выводы опытным путем, Аня теперь настоящая феминистка с оружием в руках! Метод работает!

– Рита, конечно, работает. Женщина-тест – это забавно. Аня красивая?

– Красота – это хорошая фигура плюс уверенность в себе. Анна не терзает себя, она уже не жертва. Это мой успех!

Домой Рита вернулась поздно, Павел давно попрощался, а она все сидела за столом, правила тезисы будущего манифеста. От слова «манифест» настроение резко испортилось, громких заявлений она не хочет. И воркования глянцевого женского журнала не хочет – «полюби себя, это гарантия успеха», противно. Как донести до сознания масс, что поезд феминизма уперся в тупик, новый тоннель надо прорубать? Заново отделять и строить, вообще все начинать заново?!

Кому она собирается объяснять? Что?! Опять двадцать пять, разрушим и построим, всё уже было. Пиши, Рита, заметки на полях, летописи – тихо, вкрадчиво и последовательно, ораторствовать смысла нет.

Аня записывает – замечательно, и я записываю, как врач историю болезни. Больной в конце концов выздоравливает – если выживает, конечно. Шутки насчет диеты, а ведь серьезный вопрос! Тетки покупают книги с рецептами «Как похудеть», там продукты по списку! А рецепт один – прислушивайтесь к себе, утоляйте голод, не впадайте в эйфорический восторг при поглощении пищи. Пейте больше воды и не жрите гадость всякую, майонезы и кетчупы – в топку, вместе с чипсами и душистым фастфудом.

Изящество – не подвиг, а нормальное состояние женских форм. Душевный покой гарантирован, проверено эмпирически. Разве нельзя сочетать свободомыслие, успехи в труде и быть «ну прелесть какая хорошенькая»? У математика Софьи Ковалевской это здорово получалось.

А Симона де Бовуар, о которой я уже думаю, как о моей единственной подруге, как жаль, что разошлись во времени! Мы бы спорили, говорили о ее книгах, экзистенциализме Жана Поля, о моих издерганных любовью «ласточках», придумывали бы наряды – уж кто-кто, а Симона знала в них толк! Врожденное чувство стиля, спокойная элегантность интеллектуалки, ни на секунду не забывающей, что она женщина, а потом уже – властительница умов.

Она исповедовалась сдержанно, иногда прикрываясь вымышленными именами героинь своих романов, как фиговым листком. Каждому понятно, что писала она о себе, это было ее главной страстью. После Сартра, конечно. И после...

* * *

В сознании Риты с яростной четкостью возникали картины из чужой жизни. Она понимала, что ее воображение генерирует реальные образы, такие глубокие погружения в чужую

жизнь и раньше случались, но с уверенностью она никогда не могла бы ответить на вопрос: ты уверена, что все так и было?

Да, так и было, голоса людей возникают не из пустоты, они до сих пор звучат там, где были произнесены.

Я переполнена этими голосами, я их слышу! Иногда я физически, иначе не скажешь, присутствую там, где уединились эти двое. Слишком сильна страсть, когда-то взорвавшая обоих и отменившая привычный уклад. Энергия выплеснулась в пространство, она властно притягивает погрузившегося в чужую историю, она затягивает, и посторонний тонет в чужой истории, ощущая бессилие сопротивляться.

Любовь оживала мгновениями, а длилась семнадцать лет, любовь разгоралась и тлела, совсем как угли в самодельном камине, нет, не Нельсон его смастерил, бунгало продавалось уже с очагом, привычка смотреть на огонь сильна у многих. Нельсон Олгрэн в камин не смотрел, он не шизофреник, и никогда не сожжет кусок рукописи в порыве отвращения к самому себе. Камин вообще никто не разжигал – до того, как Симона не появилась здесь впервые. Она и разжигает огонь. Она и готовит еду – да, да – именно так, на кухне и у плиты, по два часа в день, кто в это может поверить! Стряпню ее Нельсон поглощает с превеликим удовольствием, хоть и называет ее ужасной.

Стряпню он зовет ужасной, Симону – истеричкой. Но любит и то, и другое. Тридцатипятилетняя женщина, изящная интеллектуалка, впервые поняла, что значит быть любимой. Кто бы мог подумать, что Нельсон живет как отшельник, как «крокодил, запутавшийся в тине». Она сама принесла угли с рынка неподалеку, она вне себя от счастья, она любит этого чувственного грубого парня, пишущего о проститутках и поерах.

Нельсон плюхнулся в плетеное кресло и с облегчением закинул длинные ноги в серых узких брюках на железную решетку. Подобие камина, решетка почему-то отодвинута в сторону, Симона догадывалась почему – он привык вот так закидывать ноги, когда сидел в кресле. И засыпать так привык, ему так удобней, а камину решетка ни к чему. Огонь в камине горит нечасто, да, иногда сухие ветки потрескивают, но крайне редко. Скорее всего, только в ее присутствии.

Его жилище в Вабансии напоминало приют для заблудившихся охотников, пустые стены, две примостившиеся друг к другу кровати, матрасы с вмятинами, простыни она натягивала сама. Ему безразлично, есть простыни или нет. Тут Симона засмеялась, и вовсе не из-за коньяка, которого они выпили предостаточно. Нельсон называет себя крокодилом в тине – какое дело крокодилу до простыней? Если бы кто-то осмелился сказать, что ее возможно опрокинуть на неровный дощатый пол, задрать подол юбки и выдрать как Сидорову козу? Она бы не расслышала, не сумела бы расслышать, да и кто бы осмелился? Нельсон не подозревает, что ничего подобного в ее жизни никогда не случилось, если задумывается над этим, конечно.

Она сидит на грубо сколоченном табурете, спина как натянутая струна, напряжена. В Симоне появилось что-то от рыси, постоянно готовой к нападению. Рысь и крокодил, прекрасная пара. Они питаются друг другом и кукурузой из железных банок, пьют виски литрами, и она любит Нельсона! Звериной, жадной любовью. Любовью, за которую стыдно. И стыдно, что ничего подобного она не знала раньше. Раньше, до Нельсона Олгрена, певца чикагского дна. Нельсон не пишет, он живет на самом дне чикагского ада, вместе с проститутками и наркоманами, сочно описываемыми, а до этого жадно опрашиваемыми – с везделивым вниманием и участием, сострадание в его глазах, это не наигранное сострадание. Он любит их всех не меньше, чем ее, Симону, – да и видит ли различие?

Властительница умов, гранд-дама и забалованное дитя парижского Сен-Жермен де Пре, неотразимая, когда начинает говорить, элегантная, когда идет и дышит, когда дышит и бьется в его руках, как выловленная из чужого моря красноватая рыбка. Вне этого чуждого ему моря она задыхается, чикагские испарения вместо парижского абсента хороши для Нельсона и убийственны для Симоны, здесь она может только любить. Рвать его губы на части, вгрызаться в шею, будто это кусок печеного баклажана, целовать его плечи, оставляя бесчисленные синяки – пусть все видят, пусть!

Гордая Симона де Бовуар. Жадная, ненасытная рысь. Его награда за иступленный труд, за долгописание первого романа в заброшенной станции метро, обоссанной и затхло, запахи, отшибающие обоняние, не обоняй – погибнешь!

А он писал. Голодный и грязный гений, не замечающий ни грязи, ни голода. Она его награда, она его проклятие – пройдет неделя, две, она уедет, а он будет метаться по бунгалу разъяренным зверем, воющим от тоски. И будет иногда писать ей вполне джентльменские письма, вкладывая газетные вырезки и список названий нужных ему книг, сопровождая вырезки и список клятвами любви или извещениями о скорой женитьбе.

Аманда здесь рядом. Да и разве одна Аманда?! Симона тоже непременно назовет парочку имен своих любовников, он не будет писать ей с месяц примерно, потом назло приклеит две марки вместо трех и отошлет – лети, птичка моя! – письмо дойдет месяца через три, пусть она ждет и спрашивает себя: что ей важнее, мнение полуслеплого доходяги-философа или нормальная женская доля, с ахами и вздохами, с кусанием губ от боли и страсти? Как восхитительно она ходит голой по его квартире, позирует другу-фотографу, не скрывая своей восхитительной наготы! (Фото «Симона де Бовуар в Чикаго, 1950» появится на обложке журнала «Нувель обсерватор», а как же иначе?)

Она божественна, она – его мечта. Но им никогда не суждено быть вместе. Сейчас она пишет длинную скучную книгу, основное содержание – быть вместе незачем, все скоро течно, и это невольный ответ ему. Плюс к длинным намеренно сбивчивым письмам с описаниями природы в Париже и замечаниями вскользь, что она забыла, как он выглядит (ты еще помнишь меня, дорогой?) И привычные, будто само собой разумеющиеся восторги в адрес обожаемого Жан-Поля. Привычные и неуместные. Писательница Симона де Бовуар, жена философа Ж. П. Сартра. Так будет написано на ее могильной доске, она этого добьется.

А Нельсон – это приключение в пути. Нельсон Олгрэн, пишущий ей туда, в далекое море огней, мишуры и притворства, в никуда, в «Париж-Сен-Жермен-де-Пре», звучит как звонкое ругательство проститутки Софи! Ах, она задыхается вне Парижа и праздника привычных огней. А Нельсон сдувается в Париже, теряется там, теряет почву под ногами, нет ему вдохновения вне чикагского болота. Не нужен ему лживый погребушечный Париж, он – мужчина! А они пустозвоны, и она и Жан-Поль, хотя Олгрэн погорячился, конечно, придумав ей прозвище «Мадам Чепуха», дразнилка ушла в народ, был неправ, Симона, прости!

Она простит. Но если всерьез, глубокий исследователь женской психологии философ Симона де Бовуар для американца Олгрэна Нельсона вряд ли чем-то отличается от замарашки Нэнси. Женщина, изнемогающая от желания, её надо трахать в любом положении, в самой неподходящей точке бунгало, сжимать запястья ее нежных рук клещами-пальцами, и снова трахать где попало, даже в лесу. Это то, что ей нужно, когда она здесь. И это правда.

* * *

Сведениям о причинах смерти Алексей не дал ходу, результаты вскрытия переписали заново. Острая сердечная недостаточность, внезапный приступ, дыхание остановилось. Квартиру Эвы: бежевые тона, пастельного цвета шторы, тройная струна – брюссельское

кружево, шелк, тяжесть светонепроницаемого холста – сам выбирал и ремонтировал. Тщательный декор и дизайн. А та проклятая ванна персикового цвета была полной воды и пена вздувалась, выплескивалась через край. Golden girl, доченьку единственную, нашли уже очечневшей, бездыханное тело. Передоз. Нет, она утонула.

Огни ночного клуба «Амели» зажигались в десять вечера и не гасли до ухода последнего клиента, часто выдворяемого здоровенными дядьками-вышибалами в строгих серых костюмах. Не грубили никому и никогда, на широченных мордах секьюрити заученная улыбка, не презрительная ухмылка, заметьте, не гримаса, а именно улыбка, от уха до уха, глаза светятся. Это правило, репутация заведения должна быть безупречной. Обходились без скандалов, окна и посуда в целости. В названии имя хозяина – как лодку назовешь, так она и поплывет.

Алексей Мельников не мудрствовал лукаво, собственную размашистую подпись использовал на вывеске (*Амели* – и росчерк уходил по диагонали вверх, завитушка напоследок). Завитушку с росчерком убрать, остальное вполне по делу. «Амели» – что-то в этом нежное, подвижное, название модного фильма, неустанный поиск любви.

Идея клуба возникла внезапно, вот эти самые огни загорелись в воображении, и пусть будет шум, суета, музыка, а главное – огни и ритм, тра-та-та та-та та-та! Как-то все совместилось, уладилось, тревога после жуткой истории с разводом мгновенно улеглась. Ирина с ее новым мужем как испарилась, где она? – нету. Не-ту! И давай, давай, наявивай, училка музыки со своим биологом-эмэнэсом в его двушке на выселках, попробуй со мной тягаться! Эва у меня в золоте ходить будет, golden girl, луноликая, златокудрая девочка – мечта для принца на белом коне. В некотором царстве, в некотором государстве, за тридевять земель. Обтопчется конь, принца я к ней не подпущу, пусть королем станет. Так – или примерно так – Алексей тогда думал. Двенадцать лет назад.

А сейчас ее нашли в ванной. Двенадцатилетний цикл китайского календаря. От крушения до трагедии, нет, точнее: от крушения надежд до жизненного краха. Что ему теперь осталось? Одно – охранить ее от пересудов. Имя охранить. Тело дочери только что увезла карета «скорой помощи».

В ее квартире, еще не опечатанной, Алексей метался от шкафа к комоду, искал под кроватью и в простынях, вспорол подушку, обшарил каждую картину, полку, стул. Искал то, что необходимо скрыть от посторонних глаз – от детективов и сыщиков, от милиции, от любопытных. Что находил? Заначки – таблетки, кокаин в пузырьках и пакетиках, полиэтилен с героином, использованные шприцы, зачем хранила? И тут же запасы новых. Улики проваливались в бездну огромной сумки. Между матрасом и кроватью он нашел тетрадку. Вторую тетрадку, исписанную ее почерком вдоль и поперек, она не соблюдала порядка, никто не мог заставить. Милиция дежурила за дверью, ему дано всего десять минут, уже шла одиннадцатая. Алексей с ужасом вспомнил о телефоне, ну конечно, рядом с ванной и лежит. Незамеченный, тихо лежит, повезло. Звук отключен, умница! – от абсурдного «умница» затошнило, в голове туман – спокойно, стоять! Сумка где? В сумке должна быть записная книжечка, малюсенькая, там все имена. Вот, на диванной подушке – чуть не пропустил, на лбу испарина выступила, менты перепугаются, – лоб о подушку и вытер, и волосы пригладил растопыренной в полусудороге пятерней.

Пожалуй все – дверь приоткрылась, острые глаза сержанта обшаривают комнату.

– Истекли мои десять минут молчания, спасибо, друг. – Алексей добавил ему еще столик, и еще пятьдесят, сверх всего, что уже раздал, деньги исчезали в карманах, в протянутых руках, он рассовывал купюры, всучивал конверты, закрывая служивым рты и глаза. – А это тебе и корешу твоему, премия. За упокой души рабы божией Эвелины.

И тут напряжение последних двух часов дало себя знать, он почти потерял сознание. Не напряжение, шок. Потрясение от гулкой пустоты, в душе что-то булькало, но шевеления никакого. Он не потерял сознание, выпрямился и резко захлопнул за собой дверь, шагнул как на протезах, но двигаться надо! Иначе он тоже умрет прямо под ее дверью. Эве он посвятил эти двенадцать лет целиком и полностью. Эвы больше нет.

И он убивал Эву – все двенадцать лет, целиком и полностью посвященные ей. Нет, это не он ее убил! Не он! Остановить истерику! Нужно двигаться, двигаться, придумать себе занятие и найти интерес в жизни. Новый, другой. Какое там занятие, ее больше нет! Есть только гулкая зыбкая пустота. Торричеллиева. Хорошо, что все кончается смертью, он где-то читал эту фразу, совсем недавно.

Передоз – и он уйдет за ней. И это рай, ну верят же в рай! Да нет, это просто гулкая тишина. И тишины нет. Ни-че-го. Как я хочу спросить у нее, есть там что-нибудь или нет? Я сейчас в морг поеду, спрошу. Я дам им всем денег, они что-то придумают, и Эва мне скажет. Да нет, куда меня занесло, о чем это я? Она и при жизни-то не особо...

Он выдернул из сумки скляночку с кокаином, щепотка на кисть, и вдохнул порошок, без приготовлений, обойдясь без зеленой соточки.

Двигаться надо, двигаться! Алексей уже в лифте, спуск недолгий, вот он, свежий воздух, можно полной грудью. Вдохнуть, дышать! Но Алексей сном упал в кусты, мертвой хваткой сжимая сумку в руках, инстинкт.

Очнулся быстро, по-видимому, – вокруг темнота, ни души. Повезло! В голове прояснилось, надолго или нет, неважно, теперь главное дойти до машины, рукой подать. Вот он уже внутри, за рулем Алексей привычно сосредоточился, отливающая перламутром «ауди» рванула с места, газует он лихо.

Ночная дорога пустынна, петлял и кружил, как удалось доехать – Алексей не помнил. Автопилот. Отчаянный, неумолимый, надежный.

Эвы больше нет. Но нет боли, пустота внутри, зияющая дыра, он ничего не чувствует! Войдя, свалился на диван лицом вниз, это было единственным желанием – распластаться, и чтобы никто его не видел, перейти в иное состояние – плазменное, газообразное, жидкокристаллическое, стать лужей, а лучше ручьем. Ручьем. Слово превратилось в образ, он услышал струйки воды, пробивающейся между камнями, увидел буруны, сверкающие на солнце. Из переливающейся бездны засигналило – выбросить сумку на фиг, а лучше сжечь. Спокойней. Необходимое сделано, имя дочери трепать не посмеют. «За упокой души рабы божией Эвелины!» А собственную душу успокоить – как? Наташка говорила ему в последнее время: Эва не в себе, глаза у нее какие-то странные. Застала ее как-то у барной стойки, испугалась отчаянному выражению ее лица. Сидит неподвижно, смотрит в одну точку, Наташка окликнула – та сразу преобразилась, начала о фильме каком-то спрашивать, умница, собеседницу нашла.

Да нет, в кабинет к нему вбегала веселая, вечно возбуждена, всегда торопится. Как дела? «Все класс, пап!» Он сконфуженно вынимал из стола конверт, приготовленный заранее, она небрежно бросала в сумку – и тут же к двери, короткая улыбка: – Чмоки, пап!

И все. Поговорили. Ушла.

Озноб мелкой рябью прокатился от пяток до лба, волосы задрожали, ничего-то он о ней не знал! Что происходило потом, когда закрывалась за Эвой дверь, или когда они сидели с ней в очередном ресторане, где и говорить было не о чем, не об «Амели» же ей рассказывать! Не о новой же девочке, фаворитке на миг, или разборках с налоговой. Да мало ли еще что, Алексей на жизнь не жаловался, но Эве, студентке юридического факультета, рассказать

было нечего. Впрочем, международным правом он интересовался, но казалось, что ей и дела нет до его слов.

Да, на выставки ходили, в оперу – в этом году дважды! Но он привык держать дистанцию. Суровость в облике, как Алексею не хотелось, чтобы она думала, будто ему милы ночные забавы! Нет, это работа, Эва. Мой способ содержать себя и тебя, чтобы ты ни в чем себе не отказывала, ты не будешь ни в чем нуждаться, когда-то я поставил перед собой такую цель – и добился. Ты счастлива и свободна.

Обычно она ничего не говорила в ответ. Однажды спросила:

– А почему ты решил, что я счастлива? И что свободна?

– Не понял.

– Пап, но ты говоришь со мной так, словно счастье и свобода – это что-то само собой разумеющееся. У меня есть деньги, значит я счастлива. Соответственно, я свободна, вот тут связи вовсе не вижу. А если нет, если я несчастлива и несвободна, то что?

– Эва, если нет – то ты выдумываешь. Я даю тебе деньги и ни о чем не спрашиваю. Значит, ты свободна. Тебя никто не может поработить. Ты от любого унижительного предложения можешь отказаться. – Пауза, он задумался ненадолго. – Что-то в университете? Или ты заболела?

– Нет, папа, все как всегда. У меня все хорошо. Как всегда.

Эва многословием не отличалась, обычно он молча сидел с ней рядом в концертных залах – солидный и серьезный мужчина с любимой дочерью. Они составляли эффектную пару: Алексей, косая сажень в плечах, исподлобья зыркающие глаза и черные в смоль волосы – он намеренно стригся коротко, чтобы завитки не превращались в локоны, – и Эва, луноликая и рыжекудрая, глаза-блюдца невероятной голубизны, иногда они меняли цвет, темнели. Длинноногая, луноликая, тонкая, девушка из сказки. И так похожа на мать, но та – блондинка, натуральная, кстати, и глаза поменьше, Ирина как из слоновой кости вырезана, изящная и строгая. Надменная, ха. Он запретил ей встречи с Эвой «сразу после». Двенадцать лет назад.

Идеальная дочь, концерты и оперы, кокаин, шприцы, героин в полиэтилене. Но ведь ни разу! Ни разу даже подозрения не было! Проверять ее – зачем? Свободный человек не должен чувствовать надзора, Алексей воспитывал умеющую постоять за себя дочь, гордую амазонку. Если и выберет мужа – то как зверя, для дрессировки. Чтоб по струнке ходил и резко не двигался. Страшный образ мужа он придумал для амазонки. И совершенно забыл, что амазонок никто не содержал. Свобода не страшна сильным, для слабых она невыносимое ярмо.

Алексей вдруг понял, что концерты с операми нужны были ему самому, его моменты счастья и торжества. Не ночные дразги в «Амели», не Наташи-Оли-Лены, не многочасовые марш-броски на «ауди», меняющихся каждый год: он ожесточенно палил тыщу-другую километров до какого-нибудь придорожного отеля и проводил там ночь-день, отдышаться. И обратно без остановок, марафон.

Сейчас со страхом смотрел на сумку, небрежно брошенную им у двери, как силен был соблазн выкинуть эту проклятую сумку из окна машины! Преодолеет. Улики, вещдоки, кто-то найдет, доброе имя Эвы. Ну и деньги, и стопка счетов, бумаги. И еще три тетрадки, исписанные ее почерком. С рисунками кое-где.

Три тетрадки в тисненном переплете он нащупал в ворохе вещдоков, унесенных из Эвиного, с такой нежностью отделанного им двухкомнатного гнезда, сто двадцать квадратов, живи и радуйся, амазонка!

Даже в ярости Алексей ничего не рвал на куски, сдерживался, он умеет себя контролировать, он привык. Но разметал содержимое сумки по огромному холлу, к стальным деталям отделки в стиле hi-tech липли белые листы. И три зеленые тетрадки стопочкой на стеклянном столе. Аккуратно. Спинки стульев гранатом отливают, ну не повсюду же серый цвет; один он пододвинул к столу вплотную, открыл первую страницу, пуста. Начиная с третьей Эвин крупный почерк. Размашисто, помарок нет, писала, видимо, все подряд, что в голову приходило. Она еще малышкой усаживалась в кресло и писала что-то, Алексей как-то наткнулся на «обет» – завести пять кошек и собак, когда вырастет. Уже через пару лет она никаких кошек и собак подле себя и видеть не хотела, смеялась над «обетом» на листке в клеточку, они оба смеялись, тогда у них веселье дозволялось, рядом Ирина, простая и нормальная жизнь, обычная. И озорные глаза Эвы, позже они стали надменными, это ей шло. Он живо представил себе: она что-то пишет в кресле, рядом торшер, уютно поджала ноги – а телевизор? Включен или нет? Или диски, неважно с какого носителя, любимые группы, она выделяла почему-то две: «Tiger lilies» и «Scank Anansie». Наверное, что-то звучало... а впрочем, он совсем не знал свою дочь, как выяснилось. Думал, что чем меньше вмешивается в ее жизнь, тем лучше для нее. Будет самостоятельной, независимой, гордой. Гордость или гордыня, гордость или гордыня, гордость или гордыня... (два первых листа вырваны, дальше строчки; судя по всему, писать в тетрадке она начала два года назад, первая дата стояла в уголке, а дальше – обрывочные записи, без чисел).

* * *

Дорогая Рита!

Вы просите меня писать ежедневно. Я пишу по ночам. Не могу же я носить тетрадку с собой.

Что вы знаете об одиночестве? Вам, наверное, никогда не бывает одиноко. Вы так заняты собой! Вы красивая, чудесная. Но вы ничего не знаете о тех, кого спасаете. Обо мне – что вы знаете? Вам кажется, что я хожу к вам для развлечения, я наплела вам, что мои родители счастливы – и так хотят, чтобы я ходила к психотерапевту! А отцу я сказала, что вы и есть психотерапевт. Хотя вы ни рыба ни мясо. Не курица не птица. Очень симпатичная энергичная женщина – это все, что можно о вас сказать. И вы ужасно самоуверенная, вы и правда думаете, что те, кто к вам приходит, говорят вам правду? Что мы избавляемся под вашим руководством от комплексов «жертвы любви»?

Я всю жизнь искала любви моего отца, но он ко мне равнодушен. Вернее, не так – ему нравится, что он победил в борьбе с мамой и воспитывает меня самостоятельно. Раньше я пыталась ему объяснить, что мне очень одиноко с моими нянями и гувернантками, что я хочу все время быть с ним рядом, но он сказал, что это глупости. Он очень занят, он зарабатывает много денег для моего счастья. Меня учили музыке и теннису, меня водили в бассейн, на танцы и на гимнастику. Потом гувернантка делала со мной уроки. В школе я тихо себя вела и была лучшей ученицей.

Дорогая Рита!

Когда мне было шестнадцать, я разыскала свою мать, это было непросто. Приехала в дальний район на окраине. Старый серый дом, покрытый пылью. Четыре этажа и три подъезда. Во дворе на скамеечке сидели старушки. Я сначала ждала на улице, старушки повернулись, как по команде, и глазели на меня. Ничего не говорили, смотрели молча. Я спросила, знают ли они Ирину Петровну Мельникову. Одна из них ответила, что Мельниковых здесь нет, но Ирина Петровна живет в среднем подъезде, третий этаж слева. Они тут же оживились, начали друг друга перебивать, вспоминая, отводила она сегодня Мишу в садик. Потом

– какой, мол, садик, она дома с малышкой, полгода уже. «А ты кто им будешь, девочка?» Я ответила, что меня медсестра из детского сада прислала, что я нянечкой там работаю. Начали обсуждать, что такая молоденькая, а уже работает, но я не слушала, сказала «спасибо» и шмыгнула в подъезд. Звонок на двери старый, да и дверь обшарпанная, обычная дверь с ободранной обивкой. Мне открыла женщина с маленькой девочкой на руках и сразу заговорила, она и не посмотрела на меня: «Проходите быстрее, Милочка простужена!» В малюсенькой прихожей свалена груда вещей, я стою дура душой. Женщина скрылась в комнате. Огромное желание сбежать, единственное, что помню. Думаю, ну что мне сказать? Здравствуй, мама, я твоя дочка? Так у нее уже новая дочка есть. И сын Миша. Мне вдруг так резко захотелось уйти. И я ушла, пока не поздно. Отец мне часто говорил, когда я его про маму спрашивала: единственное, что твоей маме нужно, – это деньги. Тобой она не интересовалась ни разу. Я бежала по лестнице вниз, рыдала. Наверное, это было от волнения, все-таки столько времени искала, искала и нашла. «Меня с почты прислали, вам посылка, но я квитанцию потеряла, позже зайду!» – что-то такое я прокричала, когда она вышла посмотреть, кто же все-таки приходил, я услышала ее голос. Наверное, мама подумала, что ее хотели ограбить, но решили, что нечего брать. Наверное, она правильно подумала. Ограбить я ее не хотела, но жизнь бы усложнила – и себе, и ей. Но мне нужно было ее увидеть. Прощай, мама!

Деньги у меня всегда при себе, я остановила такси, и через двадцать минут моя няня уже поила меня чаем: «Линочка, что ж ты бледненькая такая? И не ешь ничего, ты покушай, покушай, Линочка». Той няне имя Эва не нравилось, когда папы не было дома, она меня всегда Линочкой звала. Мне стало так тепло и хорошо, я подумала, что папа правильно все устроил. После этого я успокоилась. Просто у меня такая большая семья.

Дорогая Рита!

После визита к маме мне очень захотелось танцевать в клубе. Я видела себя в маске, маска в форме бабочки, с блестками. И я танцую, лну к шесту всем телом, потом отталкиваю шест от себя, он холодный и сверкающий, натруженные ладони отполировали металл. Или на столе танцую, мне аплодируют, все возбуждены от восторга. Недаром ведь я столько времени истратила на развитие гибкости, я принимаю умопомрачительные позы, любые виды шпагата трудности не представляют. Всеобщий ажиотаж.

После школы я часто приходила в отцовский клуб и репетировала вместе со стриптизершами. Отцу это не нравилось, я старалась репетировать в его отсутствие. С Ингой, молоденькой танцовщицей, мы были одного роста, и пропорции у нас одинаковые. Однажды мы тайно договорились, что вечером я выйду вместо нее – в ее костюме, в маске-бабочке. Инга жутко боялась, что хозяин узнает, я ее уверила, что никто не заметит разницы, а мне будет очень весело. Она упиралась долго, но в конце концов согласилась. Я вышла к шесту вместо нее, это был такой кайф! Мои движения вызывали аплодисменты, крики, с публикой что-то случилось, парни ринулись к низенькой сцене, я ведь уже в одних стрингах, руки с купюрами потянулись ко мне, каждый стремился дотронуться до меня! Улыбка застыла на моем лице, а губы ярко накрашены, как положено. Танец продолжался, это был экстаз.

Но две мощных лапищи подхватили меня, тело вдавлено в грубую материю пиджака, через миг я уже в гримерке. Секьюрити каким-то образом усек подмену. Я ему даже по морде треснула, я так орала! В общем, договорились в конце концов, что я тихо переоденусь и уйду, я умоляла ничего не говорить папе, охранник мне клятву дал, что не скажет, а я пообещала, что этого больше не повторится. Но Ингу все равно уволили. Типа, опоздала на репетицию, дважды.

Дорогая Рита!

Дурацкий случай, конечно, стыдно. Стыдно, что в клубе у папы, но почему бы и нет? Почему я не могу у него работать, ведь мне так нравится! Я тыщу раз приходила к нему, в образцово-показательное заведение типа бордель, оформленное по его личным эскизам, он же классный дизайнер! В том и фишка, что ему никогда не давали возможности сделать все так, как ему хочется, он много раз мне об этом говорил. «Вот раньше... а вот теперь...» – постоянно повторяет. Он гордится, что теперь он хозяин своей жизни и никто не может ему указывать. Папа не хочет больше жениться, из принципа. О разводе с мамой он тоже не может говорить, спросить бы вас, Рита, хоть разок, как называется такое потрясение. От мужчины уходит жена на фоне полного здоровья, уходит к какому-то плохोоплачиваемому научному сотруднику института со смешным названием. Папа, когда еще вспоминал об этом, всегда говорил: «Она меня поменяла на песни у костра и консервы „Завтрак туриста“! Вот и пусть теперь эти консервы жрет!» Но он уже много лет о маме не вспоминает.

А ведь как танцы на столе начались? Дорогая Рита, думаете, я не помню? Я еще девочкой приходила к папе в клуб, ему в облом со мной разговаривать, то сюсюкал, то как со взрослой. Мне кажется, ему не хотелось, чтобы я туда приходила, но когда мне запрещали – я начинала плакать и не переставала, пока запрет не отменялся. Папа мне иногда объяснял: Эва, ты должна понять, людям нужен отдых, я даю им такую возможность в максимально комфортабельной обстановке. Поэтому клуб так популярен. У людей есть фантазии, кто-то должен их воплощать в жизнь. Я с удовольствием бы руководил филармонией, но тогда у нас будет значительно больше проблем. Здесь я честно зарабатываю деньги. Для твоей свободы и твоего счастья, если хочешь знать.

Сколько раз он мне это повторял! Так часто, что я стала ненавидеть свободу и счастье. По-моему, он организовал свободу и счастье себе одному. Как у него загораются глаза при виде очередной новенькой танцовщицы! Вышибалы в клубе называют их шлюхами. Отец такой красивый! Жгучие глаза, упорный взгляд, такой на рекламных постерах бывает, смотрит прямо в душу, хотя точнее будет сказать: под юбку. Я заметила, у профессиональных моделей на рекламных постерах получается значительно хуже. В него влюбляются все! Но папе нравятся только эти самые шлюхи. А может, они и правда приходят танцевать, ничего подобного в виду не имея. Но каждая соглашается на «долгие беседы» с папой в его кабинете, там все удобства. Уже после первой долгой беседы танцовщица становится очень послушной, делает все, что скажут. У многих мужа и дети, но, по-моему, каждая только и ждет, чтобы ее снова позвали к нему в кабинет «для разговора».

Дорогая Рита, я не хочу об этом писать, мне очень трудно. Написала про разговоры – и рыдала минут пятнадцать, а вы ведь еще не знаете, что мне помогает остановить слезы!

В общем, я легко прошла конкурс на юрфак, поступила без труда. Ходят разговоры, что «там все куплено», но я учусь нормально, какая разница. Веду себя паинькой, репетиторы у меня по-прежнему есть, папа хочет, чтобы свободного времени было как можно меньше. В его мечтах Эвелина Мельникова – высокооплачиваемый знаменитый адвокат, к ней очередь стоит, она сама решает, кто и сколько платит. Но мне спешить некуда, пока что я в аспирантуру поступила, ну, вы знаете. Читаю занудные, объемные книги, у меня дополнительные занятия, преподы у меня дома корректируют мои будущие тезисы. Рита, вот вам бы было смешно! Как только очередной препод оказывается в моей квартире, он тут же готов делать мне предложение! Женатые забывают о семье и детях. С какого-то времени, я обязана представить каждого из них папе еще до начала занятий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.